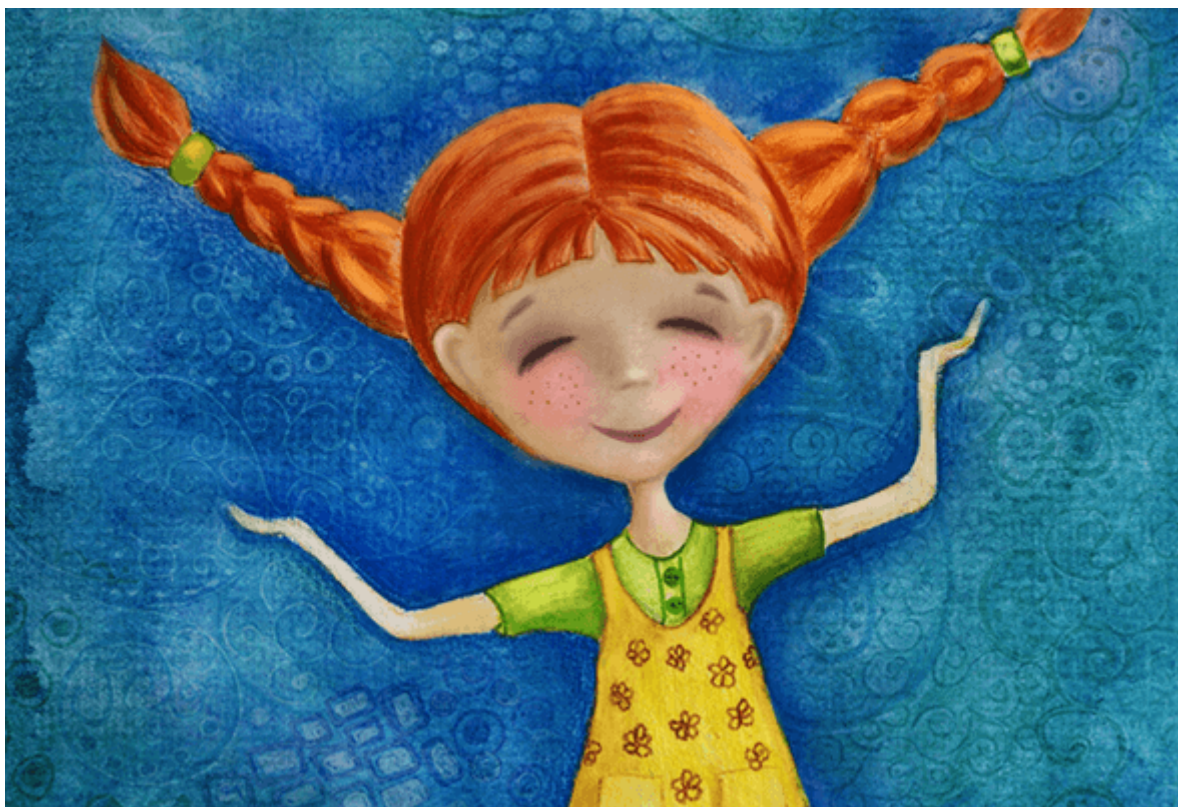

Пеппи Длинный чулок

Автор: Астрид Линдгрен

Слушать аудиосказку: [Аудиоверсия на WEB-SKAZKI.RU](http://WEB-SKAZKI.RU)

Читать сказку: [Текст произведения на WEB-SKAZKI.RU](http://WEB-SKAZKI.RU)

Глава 1: Как Пеппи поселилась в вилле Курица

На окраине одного маленького шведского городка вы увидите очень запущенный сад. А в саду стоит почерневший от времени ветхий дом. Вот в этом-то доме и живет Пеппи Длинныйчулок. Ей исполнилось девять лет, но, представьте себе, живет она там совсем одна. У нее нет ни папы, ни мамы, и, честно говоря, это имеет даже свои преимущества – никто не гонит ее спать как раз в самый разгар игры и никто не заставляет пить рыбий жир, когда хочется есть конфеты.

Прежде у Пеппи был отец, и она очень его любила. Мама, конечно, у нее тоже когда-то была, но Пеппи ее уже совсем не помнит. Мама умерла давно, когда Пеппи была еще крошечной девочкой, лежала в коляске и так ужасно кричала, что никто не решался к ней подойти. Пеппи уверена, что ее мама живет теперь на небе и смотрит оттуда сквозь маленькую дырочку на свою дочку. Поэтому Пеппи часто машет ей рукой и всякий раз приговаривает:

– Не бойся, мама, я не пропаду!

Зато отца своего Пеппи помнит очень хорошо. Он был капитаном дальнего плавания, его корабль бороздил моря и океаны, и Пеппи никогда не разлучалась с отцом. Но вот однажды, во время сильного шторма, огромная волна смыла его в море, и он

исчез. Но Пеппи была уверена, что в один прекрасный день ее папа вернется, она никак не могла себе представить, что он утонул. Она решила, что отец попал на остров, где живет много-много негров, стал там королем и день-деньской расхаживает с золотой короной на голове.

– Мой папа – негритянский король! Не всякая девочка может похвастаться таким удивительным папой, – частенько повторяла Пеппи с видимым удовольствием. – Когда папа построит лодку, он приедет за мной, и я стану негритянской принцессой. Гей-гоп! Вот будет здорово!

Этот старый дом, окруженный запущенным садом, отец купил много лет назад. Он собирался поселиться здесь с Пеппи, когда состарится и уже не сможет водить корабли. Но после того, как папа исчез в море, Пеппи отправилась прямехонько в свою виллу «Курица», чтобы там дожидаться его возвращения. Вилла «Курица» – так назывался этот старый дом. В комнатах стояла мебель, в кухне висела утварь – казалось, все специально приготовили, чтобы Пеппи могла здесь поселиться. Однажды тихим летним вечером Пеппи простилась с матросами на папином корабле. Все они так любили Пеппи, и Пеппи так любила их всех, что расставаться было очень грустно.

– Прощайте, ребята! – сказала Пеппи и поцеловала поочередно каждого в лоб. Не бойтесь, я не пропаду!

Только две вещи взяла она с собой: маленькую обезьянку, которую звали господин Нильсон – она получила ее в подарок от папы, – да большой чемодан, набитый золотыми монетами. Все матросы выстроились на палубе и печально глядели вслед девочке, пока она не скрылась из виду. Но Пеппи шла твердым шагом и ни разу не оглянулась. На плече у нее восседал господин Нильсон, а в руке она несла чемодан.

– Ушла одна... Странная девочка... Да разве ее удержишь! – сказал матрос Фридольф, когда Пеппи исчезла за поворотом, и смахнул слезу.

Он был прав, Пеппи и в самом деле странная девочка. Больше всего поражает ее необычайная физическая сила, и нет на земле полицейского, который бы с ней справился. Она могла бы шутя поднять лошадь, если б захотела, – и знаете, она это часто проделывает. Ведь у Пеппи есть лошадь, которую она купила в тот самый день, когда поселилась в своей вилле. Пеппи всегда мечтала о лошади. Лошадь живет у нее на террасе. А когда Пеппи хочется после обеда выпить там чашечку кофе, она, не долго думая, выносит лошадь в сад.

По соседству с виллой «Курица» стоит другой дом, тоже окруженный садом. В этом доме живут папа, мама и двое милых ребятишек – мальчик и девочка. Мальчика зовут Томми, а девочку – Анника. Это славные, хорошо воспитанные и послушные дети. Томми никогда ни у кого ничего не выпрашивает и без пререканий выполняет все мамины поручения. Анника не капризничает, когда не получает того, что хочет, и всегда выглядит такой нарядной в своих чистеньких накрахмаленных ситцевых платьицах. Томми и Анника дружно играли в своем саду, но все-таки им не хватало детского общества, и они мечтали найти себе товарища для игр. В то время, когда Пеппи еще плавала со своим отцом по морям и океанам, Томми и Анника иногда залезали на забор, отделяющий сад виллы «Курица» от их сада, и всякий раз говорили:

– Как жаль, что никто не живет в этом доме. Вот было бы здорово, если б здесь поселился кто-нибудь с детьми.

В тот ясный летний вечер, когда Пеппи впервые переступила порог своей виллы, Томми и Анника были в отъезде. Мама отправила их погостить недельку у бабушки. Поэтому они и понятия не имели о том, что кто-то поселился в соседнем доме. Они вернулись от бабушки вечером, а наутро стояли у своей калитки, глядели на улицу, еще ничего не зная, и обсуждали, чем бы им заняться. И вот как раз в ту минуту, когда им показалось, что они ничего забавного придумать не сумеют и день пройдет нудно, как раз в эту минуту открылась калитка соседнего дома и на улицу выбежала девочка. Это была самая удивительная девочка из всех, каких когда-либо видели Томми и Анника.

Пеппи Длинныйчулок отправлялась на утреннюю прогулку. Вот как она выглядела: волосы ее цвета морковки были заплетены в две тугие косички, торчавшие в разные стороны; нос походил на крошечную картофелину, да к тому же еще в крапинку – от веснушек; в большом широком рту сверкали белые зубы. На ней было синее платье, но так как синей материи у нее, видно, не хватило, она вшила в него кое-где красные лоскутки. На очень тонкие и худые ноги она натянула длинные чулки разных цветов: один – коричневый, а другой – черный. А огромные черные туфли, казалось, вот-вот свалятся. Папа купил их ей в Южной Африке на вырост, и Пеппи ни за что не хотела носить другие.

Когда Томми и Анника увидели, что на плече у незнакомой девочки сидит обезьяна, они просто застыли от изумления. Маленькая мартышка была одета в синие брючки, желтую курточку и белую соломенную шляпу.

Пеппи пошла вдоль по улице, одной ногой по тротуару, другой – по мостовой. Томми и Анника не спускали с нее глаз, но она исчезла за поворотом. Однако скоро девочка вернулась, но теперь она уже шла задом наперед. Причем шла она так только потому, что поленилась повернуться, когда надумала возвратиться домой. Поравнявшись с калиткой Томми и Анники, она остановилась. С минуту дети молча глядели друг на друга. Наконец Томми сказал:

– Почему ты пятишься как рак?

– Почему я пячусь как рак? – переспросила Пеппи. – Мы как будто живем в свободной стране, верно? Разве каждый человек не может ходить так, как ему вздумается? И вообще, если хочешь знать, в Египте все так ходят, и никого это ни капельки не удивляет.

– Откуда ты знаешь? – спросил Томми. – Ведь ты не была в Египте.

– Как?! Я не была в Египте?! – возмутилась Пеппи. – Так вот, заруби себе на носу: я была в Египте и вообще объездила весь свет и вдоволь насмотрелась всяких чудес. Я видела вещи и позабавней, чем люди, которые пятятся как раки. Интересно, что бы ты сказал, если б я прошлась по улице на руках, как ходят в Индии? Пеппи на минуту задумалась.

– Верно, я вру, – сказала она печально.

– Сплошное вранье! – подтвердила Анника, решившись, наконец, тоже вставить словечко.

– Ага, сплошное вранье, – согласилась Пеппи, становясь все более грустной. – Но иногда я начинаю забывать, что было и чего не было. Да и как ты можешь требовать, чтобы маленькая девочка, у которой мама – ангел на небе, а папа – негритянский король на острове в океане, всегда говорила только правду. И к тому же, – добавила она, и вся ее веснушчатая мордочка засияла, – во всем Бельгийском Конго не найдется человека, который сказал бы хоть одно правдивое слово. Целые дни напролет там все врут. Врут с семи утра и до захода солнца. Так что если я вам когда-нибудь случайно совру, вы не должны на меня сердиться. Я ведь очень долго жила в этом самом Бельгийском Конго. А подружиться мы все-таки можем! Верно?

– Еще бы! – воскликнул Томми и вдруг понял, что нынешний день уж никак нельзя будет назвать нудным.

– Почему бы вам, например, не пойти сейчас ко мне позавтракать? – спросила Пеппи.

– В самом деле, – подхватил Томми, – почему бы нам этого не сделать? Пошли!

– Вот здорово! – завопила Анника. – Идемте скорее! Идемте!

– Но прежде я должна познакомить вас с господином Нильсоном, – спохватилась Пеппи.

При этих словах маленькая обезьянка сняла с головы шляпу и вежливо поклонилась.

Пеппи толкнула обветшалую калитку, и дети двинулись по усыпанной гравием дорожке прямо к дому. В саду росли огромные старые замшелые деревья, прямо созданные для того, чтобы на них лазить. Все трое поднялись на террасу. Там стояла лошадь. Опустив голову в суповую миску, она жевала овес.

– Слушай, а почему у тебя лошадь стоит на террасе? – изумился Томми. Все лошади, которых он когда-либо видел, жили в конюшнях.

– Видишь ли, – задумчиво начала Пеппи, – на кухне она бы только путалась под ногами, а в гостиной ей было бы неудобно – там слишком много мебели.

Томми и Анника посмотрели на лошадь и вошли в дом. Кроме кухни, в доме были еще две комнаты – спальня и гостиная. Но, судя по всему, Пеппи целую неделю и не вспоминала об уборке. Томми и Анника с опаской огляделись вокруг – не сидит ли в каком-нибудь углу негритянский король. Ведь они ни разу в жизни не видели негритянского короля. Но дети не обнаружили никаких признаков ни папы, ни мамы.

– Ты здесь живешь совсем одна? – с испугом спросила Анника.

– Конечно, нет! Мы живем втроем: господин Нильсон, лошадь и я.

– И у тебя нет ни мамы, ни папы?

– Ну да! – радостно воскликнула Пеппи.

– А кто же тебе говорит по вечерам: «Пора ложиться спать?»

– Сама себе говорю. Сперва я говорю себе очень ласковым голосом: «Пеппи, ложись спать». А если я не слушаюсь, то повторяю уже строго. Когда и это не помогает, мне

от себя здорово влетает. Понятно?

Томми и Анника никак не могли этого понять, но потом подумали, что, может быть, это не так-то уж плохо.

Дети вошли в кухню, и Пеппи запела:

Скорей сковороду на печь!

Блины мы будем печь.

Мука, и соль, и масло есть,

Мы скоро будем есть!

Пеппи взяла из корзинки три яйца и, подбросив их над головой, разбила одно за другим. Первое яйцо вытекло ей прямо на голову и залепило глаза. Но зато два других ей удалось ловко поймать в кастрюльку.

– Мне всегда говорили, что яйца очень полезны для волос, – сказала она, протирая глаза. – Вы сейчас увидите, как у меня быстро начнут расти волосы. Слышите, уже скрипят. Вот в Бразилии никто не выйдет на улицу, не намазав густо голову яйцом. Помню, там был один старик, такой глупый, он съедал все яйца вместо того, чтобы выливать их себе на голову. И он так полысел, что когда выходил из дому, в городе поднимался настоящий переполох, и приходилось вызывать полицейские машины с громкоговорителями, чтобы навести порядок...

Пеппи говорила и одновременно выбирала из кастрюльки попавшую туда яичную скорлупу. Затем она сняла висевшую на гвозде щетку на длинной ручке и принялась взбивать ею тесто так усердно, что забрызгала все стены. То, что осталось в кастрюльке, она вылила на сковороду, которая давно стояла на огне. Блин тут же подрумянился с одной стороны, и она подбросила его на сковороде, да так ловко, что он, перевернувшись в воздухе, шлепнулся обратно вниз неподжаренной стороной. Когда блин спекся, Пеппи метнула его через всю кухню прямо на тарелку, стоявшую на столе.

– Ешьте! – крикнула она. – Ешьте скорей, пока он не остыл.

Томми и Анника не заставили себя упрашивать и нашли, что блин очень вкусный. Когда с едой было покончено, Пеппи пригласила своих новых друзей в гостиную. Кроме комода с огромным количеством маленьких ящичков, никакой другой мебели в гостиной не было. Пеппи принялась по очереди выдвигать ящички и показывать Томми и Аннике все сокровища, которые она хранила. Тут были редкостные птичьи яйца, диковинные ракушки и разноцветные морские камешки. Были и резные коробочки, изящные зеркальца в серебряной оправе, бусы и многие другие вещицы, которые Пеппи с отцом покупали во время своих кругосветных путешествий. Пеппи тут же захотела подарить своим новым друзьям что-нибудь на память. Томми достался кинжал с перламутровой ручкой, а Анника получила шкатулку, на крышке которой было вырезано много-много улиток. В шкатулке лежало колечко с зеленым камнем.

– А теперь забирайте свои подарки и ступайте домой, – сказала вдруг Пеппи. – Ведь если вы отсюда не уйдете, то завтра не сможете снова прийти ко мне. А это было бы

очень жалко.

Томми и Анника были того же мнения и отправились домой. Они прошли мимо лошади, которая уже съела весь овес, и выбежали через калитку из сада. На прощание господин Нильсон помахал им шляпой.

Глава 2: Как Пеппи ввязывается в драку

На другое утро Анника проснулась очень рано. Она быстро вскочила с постели и подкралась к брату.

– Просыпайся, Томми, – прошептала она и потрясла его за руку. – Просыпайся, пойдем скорей к той странной девочке в больших туфлях.

Томми тут же проснулся.

– Знаешь, я даже во сне чувствовал, что нас ждет сегодня что-то очень интересное, хотя не помнил, что именно, – сказал он, снимая пижамную куртку.

Они оба побежали в ванную, помылись и почистили зубы гораздо быстрее, чем обычно, мгновенно оделись и, к удивлению мамы, на целый час раньше, чем всегда, спустились вниз и уселись в кухне за стол, заявив, что хотят немедленно выпить шоколад.

– Что вы собираетесь делать в такую рань? – спросила мама. – Чего это вы так спешите?

– Мы идем к девочке, которая поселилась в соседнем доме, – ответил Томми.

– И, быть может, проведем там целый день! – добавила Анника.

Как раз в это утро Пеппи собралась печь лепешки. Она замесила очень много теста и стала его раскатывать прямо на полу.

– Я считаю, господин Нильсон, – обратилась Пеппи к обезьянке, – что за тесто и браться не стоит, если собираешься печь меньше полтысячи лепешек.

И, растянувшись на полу, снова принялась с жаром работать скалкой.

– А ну-ка, господин Нильсон, перестань возиться с тестом, – с раздражением сказала она, и в этот момент раздался звонок.

Пеппи, вся в муке, словно мельник, вскочила с пола и помчалась открывать. Когда она сердечно пожимала руки Томми и Аннике, их всех окутало облако муки.

– Как мило с вашей стороны, что вы заглянули ко мне, – сказала она и одернула передник, отчего поднялось новое мучное облако.

Томми и Анника даже закашлялись – так они наглотались муки.

– Что ты делаешь? – спросил Томми.

– Если я тебе скажу, что чищу трубу, ты мне все равно не поверишь, ведь ты такой

хитрюга, – ответила Пеппи. – Ясное дело, пеку лепешки. Скоро это станет еще яснее. А пока садитесь-ка на этот сундук.

И она снова взялась за скалку.

Томми и Анника уселись на сундуке и глядели, словно в кино, как Пеппи раскатывает на полу тесто, как швыряет лепешки на противни и как ставит противни в печь.

– Все! – воскликнула наконец Пеппи и с грохотом захлопнула дверцу духовки, задвинув в нее последний противень.

– Что мы теперь будем делать? – поинтересовался Томми.

– Что вы собираетесь делать, я не знаю. Я, во всяком случае, не буду бездельничать. Я ведь дилектор... А у дилектора нет ни одной свободной минутки.

– Кто ты? – переспросила Анника.

– Дилектор!

– А что значит «дилектор»? – спросил Томми.

– Дилектор – это тот, кто всегда и во всем наводит порядок. Это все знают, – сказала Пеппи, сметая в кучу оставшуюся на полу муку. – Ведь на земле разбросана пропасть всяких разных вещей. Должен же кто-то следить за порядком. Вот это и делает дилектор!

– Пропать каких вещей? – спросила Анника.

– Да самых разных, – объяснила Пеппи. – И золотых слитков, и страусовых перьев, и дохлых крыс, и разноцветных леденцов, и маленьких гаечек, ну и всяких там других.

Томми и Анника решили, что наводить порядок очень приятное занятие, и тоже захотели стать дилекторами. Причем Томми сказал, что он надеется найти золотой слиток, а не маленькую гаечку.

– Посмотрим, как нам повезет, – сказала Пеппи. – Что-нибудь уж всегда находишь. Но нам надо поторопиться. А то, того и гляди, набегут всякие другие дилектора и растащат все золотые слитки, которые валяются в этих местах.

И три дилектора тут же отправились в путь. Они решили прежде всего навести порядок возле домов, так как Пеппи сказала, что лучшие вещи всегда валяются вблизи человеческого жилья, хотя иногда случается найти гаечку и в лесной чаще.

– Как правило, это так. – объяснила Пеппи, – но бывает и иначе. Помню, как-то во время одного путешествия я решила навести порядок в джунглях на острове Борнео, и знаете, что я нашла в самой чаще, там, где ни разу не ступала нога человеческая? Знаете, что я там нашла?.. Настоящую искусственную ногу, притом совсем новую. Я подарила ее потом одноному старику, и он сказал, что такой прекрасной деревяшки ему бы ни за какие деньги не купить.

Томми и Анника во все глаза смотрели на Пеппи, чтобы научиться вести себя, как настоящие дилектора. А Пеппи металась по улице с тротуара на тротуар, то и дело

прикладывая к глазам ладонь козырьком, чтобы лучше видеть, и неутомимо искала. Вдруг она стала на колени и просунула руку между рейками забора.

– Странно, – сказала она разочарованно, – мне показалось, что здесь сверкнул золотой слиток.

– А что, правда, можно брать себе все, что находишь? – спросила Анника.

– Ну да, все, что лежит на земле, – подтвердила Пеппи.

На лужайке перед домом, прямо на траве, лежал и спал пожилой господин.

– Вот глядите! – воскликнула Пеппи. – Он лежит на земле, и мы его нашли. Возьмем его! Томми и Анника не на шутку испугались.

– Нет, нет, Пеппи, что ты... Его уносить нельзя... Это невозможно, – сказал Томми. – Да и что мы стали бы с ним делать?

– Что стали бы с ним делать? – переспросила Пеппи. – Да он может на многое пригодиться. Его можно посадить, например, в кроличью клетку и кормить листьями одуванчиков... Но раз вы не хотите его брать, то ладно, пусть себе лежит. Обидно только, что придут другие дилектора и подберут этого дядьку.

Они пошли дальше. Вдруг Пеппи издала дикий вопль.

– А вот теперь я в самом деле кое-что нашла! – и указала на валяющуюся в траве ржавую консервную банку. – Вот это находка! Вот это да! Такая банка всегда пригодится.

Томми с недоумением взглянул на банку.

– А на что она пригодится? – спросил он.

– Да на что хочешь! – ответила Пеппи. – Во-первых, в нее можно положить пряники, и тогда она превратится в прекрасную Банку с Пряниками. Во-вторых, в нее можно не класть пряников. И тогда она будет Банкой Без Пряников и, конечно, не будет такой прекрасной, но все же не всем попадают такие банки, это точно.

Пеппи внимательно осмотрела найденную ржавую банку, которая к тому же оказалась дырявой. и, подумав, сказала:

– Но эта банка скорее напоминает Банку Без Пряников. А еще ее можно надеть на голову. Вот так! Глядите, она закрыла мне все лицо. Как темно стало! Теперь я буду играть в ночь. Как интересно!

С банкой на голове Пеппи стала бегать взад-вперед по улице, пока не растянулась на земле, споткнувшись о кусок проволоки. Банка с грохотом покатила в канаву.

– Вот видите, – сказала Пеппи, поднимая банку, – не будь на мне этой штуковины, я расквасила бы себе нос.

– А я думаю, – заметила Анника, – что если бы ты не надела себе на голову банку, то никогда не споткнулась бы об эту проволоку...

Но Пеппи перебила ее ликующим криком: она увидела на дороге пустую катушку.

– До чего же мне сегодня везет! Какой счастливый день! – воскликнула она. – Какая маленькая, маленькая катушечка! Знаете, как здорово пускать из нее мыльные пузыри! А если продеть в дырку веревочку, то эту катушку можно носить на шее как ожерелье. В общем, я пошла домой за веревочкой.

Как раз в этот момент отворилась калитка в заборе, окружавшем один из домов, и на улицу выбежала девочка. Вид у нее был чрезвычайно напуганный, и это неудивительно – за ней гнались пятеро мальчишек. Мальчишки окружили ее и прижали к забору. У них была весьма выгодная позиция для нападения. Все пятеро тут же стали в боксерскую стойку и принялись лупить девочку. Она заплакала и подняла руки, чтобы защитить лицо.

– Бей ее, ребята! – закричал самый большой и сильный из мальчишек. – Чтобы на нашу улицу больше носа не казала.

– Ой! – воскликнула Анника. – Да ведь это они Вилле колотят! Гадкие мальчишки!

– Вон того здорового зовут Бенгт, – сказал Томми. – Он всегда дерется. Противный парень. Да еще накинулись пятеро на одну девочку!

Пеппи подошла к мальчишкам и ткнула Бенгта в спину указательным пальцем.

– Эй, послушай, есть мнение, что уж если драться с маленькой Вилле, то все лучше это делать один на один, а не налетать впятером.

Бенгт обернулся и увидел девчонку, которую он здесь раньше никогда не встречал. Да, да, совершенно незнакомую девчонку, да еще осмелившуюся коснуться его пальцем! На мгновение он застыл от изумления, а затем лицо его расплылось в издевательской улыбке.

– Эй, ребята, бросьте-ка Вилле и поглядите на это чучело! – Он указал на Пеппи. – Вот так кикимора!

Его прямо скрючило от смеха, он хохотал, упершись ладонями в колени. Все мальчишки мигом обступили Пеппи, а Вилле, утирая слезы, тихонько отошла в сторону и стала возле Томми.

– Нет, вы только взгляните на ее волосы! – не унимался Бенгт. – Красные, как огонь. А туфли-то, туфли! Эй ты, одолжи-ка мне одну – я как раз собирался покататься на лодке, да не знал, где ее раздобыть!

Он схватил Пеппи за косу, но тут же с притворной гримасой отдернул руку:

– Ой, ой, обжегся!

И все пятеро мальчишек стали прыгать вокруг Пеппи и орать на разные голоса:

– Рыжая! Рыжая!

А Пеппи стояла в кольце беснующихся ребят и весело смеялась.

Бенгт рассчитывал, что девочка разозлится, а еще лучше заплачет; и уж никак не

ожидал, что она будет спокойно и даже дружески глядеть на них. Убедившись, что словами ее не проймешь, Бенгт толкнул Пеппи.

– Не могу сказать, чтобы ты вежливо обходился с дамами, – заметила Пеппи и, схватив Бенгта своими сильными руками, подбросила его в воздух так высоко, что он повис на ветке растущей неподалеку березы. Затем она схватила другого мальчишку и закинула его на другую ветку. Третьего она швырнула на ворота виллы. Четвертого перебросила через забор прямо на клумбу. А последнего, пятого, она втиснула в игрушечную коляску, стоявшую на дороге. Пеппи, Томми, Анника и Вилле молча глядели на мальчишек, которые от изумления потеряли, видно, дар речи.

– Эй вы, трусы! – воскликнула, наконец, Пеппи. – Впятером нападаете на одну девчонку – это подлость! А затем дергаете за косу и толкаете другую маленькую, беззащитную девочку... Фу, какие вы противные... Стыдно! Ну пошли домой, – сказала она, обращаясь к Томми и Аннике. – А если они посмеют тебя, Вилле, хоть пальцем тронуть, ты мне скажи.

Пеппи подняла глаза на Бенгта, который, боясь пошевелинуться, все еще висел на ветке, и сказала:

– Может, тебе хочется еще что-нибудь сказать о цвете моих волос или о размере туфель, валяй говори, пока я здесь.

Но у Бенгта пропала всякая охота высказываться на любую тему. Пеппи подождала немного, затем взяла в одну руку жестяную банку, в другую катушку и ушла в сопровождении Томми и Анники.

Когда дети вернулись в сад Пеппи, она сказала:

– Дорогие мои, мне так досадно: я нашла две такие чудесные вещи, а вы – ничего. Вы должны еще немного поискать. Томми, почему бы тебе не взглянуть в дупло вон того старого дерева? Дилектора не должны проходить мимо таких деревьев.

Томми сказал, что все равно ни он, ни Анника ничего хорошего не найдут, но раз Пеппи просит его поискать, он готов. И он засунул руку в дупло.

– Ой! – воскликнул он с изумлением и вытащил из дупла маленькую записную книжечку в кожаном переплете, с серебряным карандашиком. – Странно! – проговорил Томми, рассматривая свою находку.

– Вот видишь! Я же тебе говорила, что на свете нет лучшего занятия, чем быть дилектором, и я просто ума не приложу, почему так мало людей выбирают себе эту профессию. Столяров и трубочистов сколько хочешь, а дилекторов походи поищи.

Затем Пеппи обернулась к Аннике.

– А почему бы тебе не пошарить под этим пеньком! Под старыми пнями частенько находишь самые замечательные вещи. – Анника послушалась совета Пеппи, и тотчас у нее в руках оказалось красное коралловое ожерелье. Брат с сестрой даже рты раскрыли от удивления и решили, что отныне они всегда будут дилекторами.

Вдруг Пеппи вспомнила, что легла сегодня только под утро, потому что заигралась в мяч, и ей сразу захотелось спать.

– Пожалуйста, пойдите со мной и укройте меня хорошенько, да подоткните мне одеяло.

Когда Пеппи, усевшись на краю кровати, принялась снимать туфли, она задумчиво проговорила:

– Этому Бенгту захотелось покататься на лодке. Тоже катальщик нашелся! – фыркнула она с презрением. – Я проучу его в другой раз.

– Послушай, Пеппи, – вежливо спросил Томми, – а все-таки, почему у тебя такие здоровенные туфли?

– Ясное дело – для удобства. А для чего же еще? – проговорила Пеппи и легла. Она всегда спала, положив ноги на подушку, а голову под одеяло.

– В Гватемале так спят решительно все, и я считаю, что это единственно правильный и разумный способ сна. Так куда удобней. Неужели вы засыпаете без колыбельной песенки? Я, например, обязательно должна себе спеть колыбельную, иначе у меня глаза не закрываются.

И секунду спустя до Томми и Анники донеслись из-под одеяла какие-то странные звуки. Это Пеппи пела себе колыбельную. Тогда они, чтобы ее не потревожить, на цыпочках направились к выходу. В дверях они обернулись и еще раз взглянули на постель, но увидели только Пеппины ноги, которые покоились на подушке. Дети пошли домой. Анника, крепко сжимая в руке свои коралловые бусы, спросила:

– Томми, ты не думаешь, что Пеппи нарочно положила эти вещи в дупло и под пенек, чтобы мы их нашли?

– Чего гадать, – ответил Томми. – С Пеппи никогда не знаешь, что к чему, это мне уже ясно.

Глава 3: Как Пеппи играет с полицейскими в салочки

Вскоре в маленьком городке разнесся слух, что девятилетняя девочка живет совершенно одна в заброшенной вилле. И взрослые этого городка считали, что дальше так продолжаться не может. У всех детей должен быть кто-то, кто их воспитывает. Все дети должны ходить в школу и учить таблицу умножения. Поэтому взрослые решили, что эту маленькую девочку надо отправить в детский дом. Однажды после обеда Пеппи пригласила Томми и Аннику пить кофе с булочками. Она расставила чашки прямо на ступеньках террасы. Приятно припекало солнышко, и с клумб доносился аромат цветов. Господин Нильсон карабкался вверх и вниз по балюстраде, а лошадь время от времени тянула морду, чтобы получить булочку.

– Как все-таки прекрасна жизнь! – промолвила Пеппи и вытянула ноги. Как раз в этот момент распахнулась калитка, и в сад вошли двое полицейских в форме.

– Ах! – воскликнула Пеппи. – Что за счастливый день! Больше всего на свете – ну конечно, после крема из ревеня – я люблю полицейских.

Сияя счастливой улыбкой, она двинулась навстречу полицейским.

- Ты и есть та самая девочка, которая поселилась в этой вилле? – спросил один из полицейских.

- А вот и нет, – ответила Пеппи. – Я сухонькая старушка и живу на третьем этаже в особнячке на другом конце города.

Пеппи ответила так, потому что хотела пошутить. Но полицейские не нашли эту шутку смешной, они строго сказали ей, чтобы она перестала дурачиться, а затем сообщили, что добрые люди решили предоставить ей место в детском доме.

- А я и так живу в детском доме, – ответила Пеппи.

- Что за вздор ты несешь! – закричал полицейский. – Где же находится твой детский дом?

- Да вот здесь. Я дитя, а это мой дом. Значит, это и есть детский дом. А места, как видите, тут вполне хватает.

- О, милая девочка, тебе этого не понять, – сказал другой полицейский и засмеялся. – Ты должна отправиться в настоящий детский дом, где тебя будут воспитывать.

- А в этот детский дом можно взять с собой лошадь?

- Конечно, нет! – ответил полицейский.

- Так я и думала, – мрачно сказала Пеппи. – Ну, а обезьянку?

- И обезьянку нельзя. Ты же сама это понимаешь.

- В таком случае пусть другие отправляются в детский дом, я туда не собираюсь!

- Но ведь ты должна ходить в школу.

- Почему это я должна ходить в школу?

- Чтобы научиться разным вещам.

- Каким таким вещам? – не унималась Пеппи.

- Ну, самым разным. Всевозможным полезным вещам. Например, выучить таблицу умножения.

- Вот уже целых девять лет я прекрасно обхожусь без этой таблицы уважения, – ответила Пеппи, – значит, и дальше проживу без нее.

- Ну подумай, тебе будет неприятно, если ты на всю жизнь останешься неучем! Представь себе, ты вырастешь большой, и вдруг у тебя кто-нибудь спросит, как называется столица Португалии. А ты не сможешь ответить.

- Почему это я не смогу ответить? Я вот что скажу: «Если тебе уж так важно узнать, какой главный город Португалии, то напиши прямо в Португалию, – португальцы с удовольствием сообщат тебе, как называется их столица».

- И тебе не будет стыдно, что сама не смогла ответить?

– Возможно, будет, – сказала Пеппи. – И я долго не засну в тот вечер, буду все лежать и вспоминать: ну а в самом деле, как же называется столица Португалии? Но я скоро утешусь – тут Пеппи сделала стойку, прошла на руках и добавила: – Потому, что ведь я была в Лиссабоне с папой.

Тут в разговор вмешался первый полицейский и сказал, чтобы Пеппи не воображала, что она может поступить, как хочет, – ей приказано отправляться в детский дом и нечего больше болтать попусту. И он подошел к Пеппи и схватил ее за руку. Но Пеппи тут же вырвалась и, слегка шлепнув полицейского по спине, крикнула:

– Я вас осалила! Вам водить!

И, прежде чем он успел опомниться, она вскочила на балюстраду террасы, а оттуда быстро забралась на балкон второго этажа.

Полицейским вовсе не хотелось лезть вверх таким способом. Поэтому они оба кинулись в дом и поднялись по лестнице. Но когда они очутились на балконе, Пеппи уже сидела на крыше. Она карабкалась по черепице с ловкостью обезьяны. В одно мгновение она оказалась на коньке крыши, а оттуда перескочила на трубу.

Полицейские сидели на балконе и в растерянности чесали затылки.

Томми и Анника с лужайки восторженно следили за Пеппи.

– До чего весело играть в салочки! – крикнула Пеппи полицейским. – Как мило с вашей стороны, что вы пришли поиграть со мной. У меня сегодня счастливый день, это точно!

Немного поразмыслив, полицейские сходили за лестницей, прислонили ее к стене дома и друг за дружкой стали взбираться на крышу. Оскользываясь на черепице и с трудом балансируя, двинулись они к Пеппи, но вид у них был весьма перепуганный.

– Смелее! Смелее! – подбадривала их Пеппи. – Это совсем не страшно.

Но когда полицейские почти доползли до Пеппи, она, заливаясь веселым смехом, и даже повизгивая от удовольствия, прыгнула с трубы и перебралась на другой скат крыши. С той стороны рядом с домом росло дерево.

– Глядите, я падаю! – крикнула Пеппи и, прыгнув с карниза, повисла на ветке, покачиваясь на ней, а потом ловко соскользнула вниз по стволу. Очутившись на земле, Пеппи обежала дом и отставила лестницу, по которой взбирались на крышу полицейские. Полицейские перепугались, когда Пеппи прыгнула на дерево. Но они просто пришли в ужас, увидев, что девочка унесла лестницу. Окончательно рассвирепев, они орали, грозили Пеппи ужасными карами и требовали, чтобы Пеппи немедленно поставила лестницу на место, не то они, мол, с ней не так поговорят.

– Чего вы сердитесь? – с упреком спросила их Пеппи. – Мы же играем в салочки, к чему зря злиться?

Полицейские немного помолчали, и наконец один из них сказал смущенно:

– Послушай, девочка, будь добра, поставь назад лестницу, чтобы мы могли спуститься.

– С удовольствием, ответила Пеппи и тут же приставила лестницу. – А потом мы можем, если хотите, выпить кофейку и вообще весело провести время вместе.

Но полицейские оказались коварными людьми. Едва ступив на землю, они кинулись к Пеппи, схватили ее и закричали:

– Вот теперь ты попалась, скверная девчонка!

– Я с вами больше не играю. Я не вожусь с теми, кто жулит в игре, – ответила Пеппи и, взяв обоих полицейских за пояса, выволокла их из сада на улицу. Там она их отпустила, но они еще долго не могли прийти в себя.

– Одну минуточку! – крикнула им Пеппи и со всех ног бросилась на кухню. Вскоре она снова появилась, держа в руках по булочке.

– Отведайте, пожалуйста! Правда, они немножко подгорели, но это неважно.

Затем Пеппи подошла к Томми и Аннике, которые стояли, рты раскрыв, и только диву давались. А полицейские поспешили вернуться в город и сказали тем, кто их посылал, что Пеппи не годится для детского дома. Полицейские, конечно, утаили, что сидели на крыше. И взрослые решили: раз так, пусть эта девочка живет как хочет. Главное, чтобы она ходила в школу, а в остальном она вольна сама собой распоряжаться.

Что до Пеппи, Томми и Анники, то они прекрасно провели остаток дня. Сперва они допили кофе, и Пеппи, успешно справившись с четырнадцатью булочками, сказала:

– Все-таки это были какие-то не настоящие полицейские – болтали что-то о детском доме, о таблице уважения и о Лиссабоне...

Затем Пеппи вынесла лошадь в сад, и дети стали кататься верхом.

Правда, Анника поначалу боялась лошади. Но когда она увидела, как весело скачут по саду Томми и Пеппи, она тоже решила попробовать. Пеппи ловко посадила ее, лошадь затрусила рысцей по дороге, а Томми запел во все горло:

Мчатся шведы, грохоча.

Схватка будет горяча!

Вечером, когда Томми и Анника уже лежали в своих кроватках, Томми сказал:

– До чего здорово, что Пеппи приехала сюда жить. Верно, Анника?

– Ну конечно, здорово!

– Знаешь, я даже не помню, во что мы, собственно говоря, играли до нее.

– Мы играли в кегли, в крокет или просто в мяч. Но с Пеппи куда веселее!.. А тут еще лошадь и обезьянка! Верно?

Глава 4: Как Пеппи идет в школу

Конечно, и Томми и Анника ходили в школу. Каждое утро ровно в восемь они, взявшись за руки, с учебниками в сумках, отправлялись в путь.

Как раз в этот час Пеппи больше всего любила ездить верхом на лошади, или наряжать Нильсона, или делать зарядку, которая заключалась в том, что она сорок три раза подряд, не сгибаясь, подскакивала на месте. Затем Пеппи устраивалась у кухонного стола и в полном покое выпивала большую чашку кофе и съедала несколько бутербродов с сыром.

Проходя мимо виллы «Курица», Томми и Анника с тоской глядели через ограду – уж очень им хотелось свернуть сюда и весь день проиграть со своей новой подружкой. Вот если бы Пеппи тоже ходила в школу, им было бы не так обидно тратить на учение столько времени.

– До чего же весело бежать домой после школы, особенно если нам втроем, а, Пеппи?
– сказал как-то Томми, смутно надеясь ее соблазнить.

– И в школу мы бы тоже ходили вместе, а? – умоляюще добавила Анника.

Чем больше ребята думали о том, что Пеппи не ходит в школу, тем печальнее становилось у них на душе. И в конце концов они решили во что бы то ни стало уговорить ее ходить в школу вместе с ними.

– Ты даже представить себе не можешь, какая у нас замечательная учительница, – сказал однажды Томми, лукаво взглянув на Пеппи. Он и Анника прибежали к ней, наспех сделав уроки.

– Ты не знаешь, как интересно у нас в классе! – подхватила Анника. – Если бы меня не пускали в школу, я бы просто с ума сошла от горя.

Пеппи, сидя на низенькой скамеечке, мыла ноги в огромном тазу. Она ничего не сказала в ответ, только принялась так брызгаться, что расплескала почти всю воду.

– Да и сидеть там надо недолго, только до двух часов, – снова начал Томми.

– Понимаешь, только до двух, и оглянуться не успеешь, как звонок. А кроме того, бывают каникулы. Рождественские, пасхальные, летние... – в тон ему продолжала Анника.

Пеппи задумалась, но по-прежнему молчала. Вдруг она с решительным видом выплеснула остаток воды из таза прямо на пол, хотя там сидел господин Нильсон и играл с зеркалом.

– Это несправедливо, – строго сказала Пеппи, не обращая ни малейшего внимания ни на гнев господина Нильсона, ни на его мокрые штаны. Это ужасно несправедливо, и я не стану с этим мириться!

– Что несправедливо? – удивился Томми.

– Через четыре месяца будет рождество и у вас начнутся рождественские каникулы. А у меня что начнется? – В голосе Пеппи звучали слезы. У меня не будет никаких

рождественских каникул, даже самых коротеньких, – продолжала она жалобно. – Это надо изменить. Завтра же я отправляюсь в школу.

От радости Томми и Анника захлопали в ладоши.

– Ура! Ура! Так мы тебя будем ждать завтра ровно, в восемь у наших ворот.

– Нет, – сказала Пеппи. – Это для меня слишком рано. А кроме того, я поеду в школу верхом.

Сказано – сделано. В десять часов Пеппи вынесла свою лошадь в сад и отправилась в путь.

А через несколько минут все жители городка кинулись к окнам, с ужасом провожая взглядом маленькую девочку, которую понесла взбесившаяся лошадь. На самом же деле ничего ужасного не происходило. Просто Пеппи торопилась в школу. Она галопом влетела во двор, прыгнула на землю и привязала лошадь к дереву. Подойдя к двери класса, она с таким грохотом распахнула ее, что все ребята от неожиданности подскочили на своих местах, и, помахав своей широкополой шляпой, что есть мочи крикнула:

– Привет! Надеюсь, я не опоздала на таблицу уважения?

Томми и Анника предупредили учительницу, что в класс должна прийти новая девочка, которую зовут Пеппи Длинныйчулок. Учительница и без того уже слышала о Пеппи – в маленьком городке, где все про всех знают, о ней шло немало толков. А так как учительница была милой и доброй, то она решила сделать все, чтобы Пеппи в школе понравилось.

Не дожидаясь приглашения, Пеппи уселась за пустую парту. Но учительница не сделала ей никакого замечания. Наоборот, она сказала очень приветливо:

– Добро пожаловать к нам в школу, милая Пеппи. Надеюсь, тебе у нас понравится и ты здесь многому научишься.

– А я надеюсь, что у меня скоро будут рождественские каникулы, – ответила Пеппи. – Для этого я и пришла сюда. Справедливость прежде всего.

– Скажи мне, пожалуйста, твое полное имя. Я запишу тебя в список учеников.

– Меня зовут Пеппилотта-Виктуалина-Рольгардина, дочь капитана Эфроима Длинныйчулок, прежде Грозы Морей, а теперь негритянского короля. Вообще-то говоря, Пеппи – это мое уменьшительное имя. Папа считал, что Пеппилотту произносить слишком долго.

– Ясно, – сказала учительница. – Тогда мы тоже будем звать тебя Пеппи. А теперь давай посмотрим, что ты знаешь. Ты уже большая девочка и, наверное, многое умеешь. Начнем с арифметики. Скажи, пожалуйста, Пеппи, сколько будет, если к семи прибавить пять?

Пеппи взглянула на учительницу с недоумением и недовольством.

– Если ты, такая большая, сама это не знаешь, то неужели думаешь, что я стану

считать за тебя? – ответила она учительнице.

У всех учеников глаза на лоб полезли от удивления. А учительница терпеливо объяснила, что так в школе не отвечают, что учительнице говорят «вы» и, обращаясь к ней, называют ее «фрекен».

– Простите, пожалуйста, – сказала Пеппи смутившись. – Я этого не знала и больше так делать не буду.

– Надеюсь, – сказала учительница. – Вот ты не хотела считать за меня, а я охотно сосчитаю за тебя: если к семи прибавить пять, получится двенадцать.

– Подумать только! – воскликнула Пеппи. Оказывается, ты сама можешь это сосчитать. Зачем же ты тогда у меня спрашивала?.. Ой, я опять сказала «ты» – простите, пожалуйста.

И в наказание Пеппи сама себя больно ущипнула за ухо.

Учительница решила не обращать на это никакого внимания и задала следующий вопрос:

– Ладно, Пеппи, а теперь скажи, сколько будет восемь и четыре?

– Думаю, шестьдесят семь, – ответила Пеппи.

– Неверно, – сказала учительница, – восемь и четыре будет двенадцать.

– Ну, старушка, это уж слишком! Ты же сама только что сказала, что пять и семь будет двенадцать. Какой-то порядок нужен и в школе! А если уж тебе так хочется заниматься всеми этими подсчетами, то стала бы в уголок да считала себе на здоровье, а мы тем временем пошли бы во двор играть в салочки... Ой, я, кажется, снова говорю «ты»! Простите меня в последний раз. Я постараюсь вести себя лучше.

Учительница сказала, что готова и на этот раз простить Пеппи, но, видно, пока не стоит задавать ей вопросы по арифметике, лучше вызвать других детей.

– Томми, реши, пожалуйста, такую задачу: у Лизи было семь яблок, а у Акселя – девять. Сколько яблок было у них вместе?

– Да, сосчитай-ка это, Томми, – вмешалась вдруг Пеппи, – и, кроме того, скажи: почему у Акселя живот болел больше, чем у Лизи, и в чьем саду они нарвали яблок?

Фрекен снова сделала вид, что ничего не слышала, и сказала, обращаясь к Аннике:

– Ну, Анника, теперь ты сосчитай. Густав пошел со своими товарищами на экскурсию. Ему дали с собой одну крону, а вернулся он с семьей эре. Сколько денег потратил Густав?

– А я хочу знать, – сказала Пеппи, – почему этот мальчишка так сорил деньгами? И что он купил на них: лимонаду или что-нибудь еще? И хорошо ли он вымыл уши, когда собирался на экскурсию?

Учительница решила сегодня больше не заниматься арифметикой. Она подумала, что, быть может, чтение у Пеппи пойдет лучше. Поэтому она вынула из шкафа

картонку, на которой был нарисован ежик. Под рисунком стояла большая буква «Ё».

– Ну, Пеппи, сейчас я покажу тебе интересную вещь. Это Ё-е-е-жик. А буква, которая изображена вот тут, называется «Ё».

– Ну да? А я всегда думала, что ё – это большая палочка с тремя маленькими поперек и двумя мушиными крапинками наверху. Скажите мне, пожалуйста, что общего имеет ежик с мушиными крапинками?

Учительница не ответила на вопрос Пеппи, а вынула другую картонку, на которой была нарисована змея, и сказала, что буква под картинкой называется «З».

– Когда говорят о змеях, я всегда вспоминаю, как я дралась с гигантской змеей в Индии. Вы даже представить себе не можете, какая это была страшная змея: четырнадцать метров длиной и злая, как оса. Каждый день она пожирала не меньше пяти взрослых индийцев, а на закуску лакомилась двумя маленькими детьми. И вот однажды она решила полакомиться мною. Она обвилась вокруг меня, но я не растерялась и изо всех сил стукнула ее по голове. Бах! Тут она как зашипит: ф-ф-ф! А я ее еще раз – бац! И тогда она – ух! Да, да, вот точно так это было. Очень страшная история!..

Пеппи перевела дух, а учительница, которая к этому времени окончательно поняла, что Пеппи трудный ребенок, предложила всему классу нарисовать что-нибудь. «Наверное, рисование увлечет Пеппи и она хоть немного посидит спокойно», – подумала фрекен и раздала ребятам бумагу и цветные карандаши.

– Вы можете рисовать все, что хотите, – сказала она и, сев за свой столик, принялась проверять тетради. Через минуту она подняла глаза, чтобы посмотреть, как дети рисуют, и обнаружила, что никто не рисовал, а все смотрели на Пеппи, которая, лежа ничком, рисовала прямо на полу.

– Послушай, Пеппи, – с раздражением сказала учительница, – почему ты не рисуешь на бумаге?

– Я ее уже давно всю изрисовала. Но портрет моей лошади не уместился на этом крошечном листке. Сейчас я рисую как раз передние ноги, а когда дойду до хвоста, мне придется выйти в коридор.

Учительница на минуту задумалась, но решила не сдаваться.

– А теперь, дети, встаньте, и мы споем песню, – предложила она.

Все дети поднялись со своих мест, все, кроме Пеппи, которая продолжала лежать на полу.

– Валяйте пойте, а я немного отдохну, – сказала она, – а то если я запою – стекла полетят.

Но тут терпение у учительницы лопнуло, и она сказала детям, чтобы они пошли погулять на школьный двор, – ей необходимо поговорить с Пеппи с глазу на глаз. Как только все дети вышли, Пеппи поднялась с полу и подошла к столу учительницы.

– Знаешь что, фрекен, – сказала она, – я вот что думаю: мне было очень интересно

прийти сюда и посмотреть, чем вы тут занимаетесь. Но больше мне сюда ходить неохота. А с рождественскими каникулами пусть будет, как будет. В вашей школе для меня слишком много яблок, ежей и змей. Прямо голова закружилась. Ты, фрекен, надеюсь, не будешь этим огорчена?

Но учительница сказала, что она очень огорчена, и больше всего тем, что Пеппи не хочет вести себя как следует.

– Любую девочку выгонят из школы, если она будет вести себя так, как ты, Пеппи.

– Как, разве я себя плохо вела? – с удивлением спросила Пеппи. – Честное слово, я этого и не заметила, – печально добавила она.

Ее нельзя было не пожалеть, потому что так искренне огорчаться, как она, не умела ни одна девочка в мире.

С минуту Пеппи молчала, а потом сказала запинаясь:

– Понимаешь, фрекен, когда мама у тебя ангел, а папа – негритянский король, а сама ты всю жизнь проплавала по морям, то не знаешь, как надо вести себя в школе среди всех этих яблок, ежей и змей.

Фрекен сказала Пеппи, что она это понимает, больше не сердится на нее и Пеппи сможет снова прийти в школу, когда немножко подрастет. Тут Пеппи засияла от счастья и сказала:

– Ты, фрекен, удивительно милая. И вот тебе, фрекен, от меня подарок на память.

Пеппи вынула из кармана маленький изящный золотой колокольчик и положила его на столик перед учительницей. Учительница сказала, что не может принять от нее такой дорогой подарок.

– Нет, прошу тебя, фрекен, ты должна принять мой подарок! – воскликнула Пеппи. – А то я завтра опять приду в школу, а это никому не доставит удовольствия.

Тут Пеппи выбежала на школьный двор и вскочила на свою лошадь. Все дети окружили Пеппи, каждому хотелось погладить лошадь и посмотреть, как Пеппи выведет со двора.

– Помню, я в Аргентине ходила в школу, вот это было школа! – сказала Пеппи и поглядела на ребят. – Эх, вам бы туда попасть! После рождественских каникул там через три дня начинаются пасхальные, а когда кончаются пасхальные, то еще через три дня начинаются летние. Кончаются летние каникулы первого ноября, и тут-то, правда, ребятам приходится здорово поработать, потому что рождественские каникулы начинаются только одиннадцатого. Но в конце концов с этим можно смириться, потому что в Аргентине не задают уроков. Правда, иногда случается, что какой-нибудь аргентинский мальчик залезает в шкаф, чтобы никто его не видел, и тайком немножко поучит уроки. Но ему здорово влетает от мамы, если она это замечает. Арифметику там вообще не проходят, и если какой-нибудь мальчишка случайно знает, сколько будет пять и семь, да еще сдуру проговорится об этом учительнице, то она поставит его на весь день в угол. Чтением там занимаются только в свободные дни, и то, если найдутся книги для чтения, но книг там нет ни у кого...

- Что же они тогда делают в школе? – с изумлением спросил маленький мальчик.
- Едят конфеты, – ответила Пеппи. – Вблизи школы находится конфетная фабрика. Так вот, от нее прямо в класс провели специальную трубу, и поэтому у детей нет ни минуты свободного времени – только успевай жевать.
- А что же делает учительница? – спросила маленькая девочка.
- Глупышка! – сказала Пеппи. – Неужто сама не догадалась: учительница подбирает конфетные бумажки и делает фантики. Уж не думаешь ли ты, что там фантиками занимаются сами ребята? Нет уж, дудки!

Ребята там даже сами в школу не ходят, а посылают младших братишек и сестреноч... Ну, привет! – радостно крикнула Пеппи и помахала своей большой шляпой. – А вам, беднягам, самим придется сосчитать, сколько яблок было у Акселя. Меня вы здесь не скоро увидите...

Пеппи с шумом выехала за ворота. Лошадь скакала так быстро, что камни летели у нее из-под копыт, а оконные стекла дребезжали.

Глава 5: Как Пеппи лезет в дупло

Однажды в теплый и ясный день Пеппи, Томми и Анника грелись на солнышке. Пеппи взобралась на один из столбов калитки, Анника – на другой, а Томми примостился на самой калитке. Груша, росшая поблизости, тянула свои ветки прямо к калитке, и дети могли, не двигаясь с места, рвать мелкие золотисто-красные груши. Они жевали грушу за грушей и выплевывали зернышки прямо на улицу.

Вилла «Курица» была расположена, как вы знаете, на самой окраине города, там, где улица переходила в шоссе. Жители городка любили ходить гулять в эту сторону – здесь были самые живописные места.

Итак, ребята безмятежно грелись на солнышке и ели груши, когда появилась незнакомая девчонка. Увидев ребят, сидящих на калитке, она остановилась и спросила:

- Скажите, мой папа здесь не проходил?
- А как он выглядит, твой папа? – поинтересовалась Пеппи. – У него голубые глаза?
- Да, – сказала девочка.
- Он среднего роста, не высокий и не низкий...
- Да, да... – подтвердила девочка.
- В черной шляпе и в черных ботинках...
- Да... да!
- Нет, мы его не видели! Девочка надулась и, ни слова не говоря, пошла дальше.
- Ой ты, подожди! – крикнула ей вслед Пеппи. – Он лысый?

– Нет, он не лысый.

– Тогда ему здорово повезло! – захохотала Пеппи и выплюнула зернышки.

Девочка двинулась было дальше, но Пеппи ее снова остановила:

– А уши у него, словно лопухи, свисают до плеч?

– Нет, – сказала девочка и обернулась. – А вы что, видели человека с такими ушами?

– Нет, не видели, таких людей не бывает. Во всяком случае, в нашей стране, – добавила Пеппи после паузы. – Вот в Китае – дело другое. Однажды в Шанхае я видела китайца с такими большими ушами, что они служили ему пелериной. Вот хлынет, бывало, ливень, китаец прикроется ушами – и порядок: ему тепло и сухо. А когда во время дождя он встречал друзей и знакомых, он и их прикрывал своими ушами. Так они сидели и пели свои грустные песни, пока дождь не проходил. Звали этого китайца Хай-Шанг. Поглядели бы вы, как он по утрам мчался на работу. Он всегда прилетал буквально в последнюю минуту, потому что любил поспать. Он выбегал на улицу, расставлял свои огромные уши, ветер надувал их, словно паруса, и гнал Хай-Шанга с невероятной скоростью...

Девочка, раскрыв рот, слушала Пеппи, а Томми и Анника даже перестали жевать груши.

– У Хай-Шанга было столько детей, что он их и сосчитать не мог, – не унималась Пеппи. – самого младшего звали Петер.

– Это китайского мальчика звали Петер? – усомнился Томми. – Не может быть!

– Вот и жена Хай-Шанга так говорила. Китайского ребенка нельзя называть Петер, – твердила она своему мужу. Но Хай-Шанг был невероятно упрям. Он хотел, чтобы его младшего сына звали Петер, и никак иначе. Он так разозлился, что сел в уголок, накрылся своими ушами и сидел там до тех пор, пока его бедная жена не уступила и не назвала мальчика Петером...

– Вот это да! – прошептала Анника.

– Петер был самым избалованным ребенком во всем Шанхае и так капризничал во время еды, что мать его приходила в отчаянье. Вы ведь знаете, что в Китае едят ласточкины гнезда. И вот как-то раз мама наложила ему полную тарелку ласточкиных гнезд и кормила его с ложечки, приговаривая: «Ешь, Петерхен, это гнездышко мы съедим за папу!» Но Петер плотно сжимал губы и мотал головой. И когда Хай-Шанг увидел, как его младший сын ест, он так рассвирепел, что приказал не давать Петеру ничего другого, пока он не съест этого гнездышка «за папу». А я вам уже говорила, что Хай-Шанг умел настоять на своем. И вот это гнездо стали варить Петеру каждый божий день с мая по октябрь. Четырнадцатого июля мать попросила Хай-Шанга дать Петеру две тефтельки. Но отец был неумолим.

– Все это глупости, – сказала вдруг чужая девочка.

– Вот именно, буквально эти слова и произнес Хай-Шанг, – подтвердила Пеппи, нимало не смутившись. «Все это глупости, – сказал он, – мальчик может съесть это ласточкино гнездо, надо только сломить его упрямство». Но когда Петеру

предлагали гнездо, он только сжимал губы.

– Как же этот мальчик жил, если он ничего не ел с мая по октябрь? – удивился Томми.

– А он и не жил. Он умер восемнадцатого октября – «из чистого упрямства», как сказал его отец. Девятнадцатого его похоронили. А двадцатого октября прилетела ласточка и снесла яйцо в то самое гнездо, которое все еще лежало на столе. Так что гнездо это пригодилось, и никакой беды не случилось, – радостно закончила Пеппи.

Затем она подозрительно посмотрела на девочку, которая в растерянности стояла на дороге.

– У тебя какой-то странный вид, – сказала Пеппи. – Уж не думаешь ли ты, что я вру? А ну-ка признавайся! – И Пеппи угрожающе подняла руку.

– Да нет, что ты... – испуганно ответила девочка. – Я вовсе не хочу сказать, что ты врешь, но...

– Значит, по-твоему, я не вру... – перебила ее Пеппи, а ведь на самом-то деле я вру, да еще как! Плету, что в голову взбредет. Неужели ты вправду думаешь, что мальчик может прожить без еды с мая по октябрь? Ну еще три-четыре месяца куда ни шло, но с мая по октябрь – это уже глупости. И ты прекрасно понимаешь, что я вру. Так что же ты позволяешь вбивать себе в голову всякую белиберду?

Тут девочка быстро пошла по улице и ни разу не обернулась.

– До чего же люди доверчивы! – сказала Пеппи, обращаясь к Томми и Аннике. – Не есть с мая по октябрь! Подумать только, какая глупость!

И она крикнула вдогонку девочке:

– Нет, мы не видели твоего папы. За весь день мы не видели ни одного плешивого. А вот вчера мимо нас прошли семнадцать лысых... взявшись за руки!

Сад Пеппи и в самом деле был очень красив. Конечно, нельзя сказать, что за ним хорошо ухаживали, но его украшали прекрасные газоны, которые давно уже никто не подстригал, а старые розовые кусты гнулись под тяжестью белых, красных и чайных роз. Может, это были и не самые изысканные сорта роз, но пахли они превосходно. Там росли фруктовые деревья и, что самое ценное, несколько старых ветвистых дубов и вязов, на которые так легко взбираться.

А вот в саду у Томми и Анники с деревьями для лазания дело обстояло из рук вон скверно, да и к тому же мама всегда боялась, что дети упадут и разобьются. Поэтому им за свою жизнь так и не довелось полазить по деревьям. И вдруг Пеппи сказала:

– Давайте заберемся на этот дуб! Томми пришел от этой идеи в такой восторг, что тут же спрыгнул с калитки. Анника поначалу была несколько смущена предложением Пеппи, но когда увидела, что на дереве много сучков, за которые можно ухватиться, решила тоже попробовать. На высоте нескольких метров над землей ствол дуба раздваивался, образуя что-то вроде шалаша. Вскоре вся троица уже сидела в этом шалаше, а над их головами дуб раскинул зеленой крышей свою могучую крону.

– Давайте здесь пить кофе! Я сейчас сбегаю на кухню.

Томми и Анника захлопали в ладоши и закричали: «Браво!» Через несколько минут Пеппи принесла дымящийся кофейник. Булочки она испекла еще накануне. Пеппи подошла к дубу и стала кидать вверх кофейные чашки. Томми и Анника попытались поймать их на лету. Но из трех чашек две ударились о ствол и разбились. Однако Пеппи ничуть не огорчилась, а тут же помчалась домой за другими чашками. Затем настала очередь булочек – они так и замелькали в воздухе, но тут уж опасаться было нечего. И в заключение на дерево вскарабкалась Пеппи с кофейником в руке. В одном кармане ее платья была бутылка со сливками, в другом – коробочка с сахаром.

Томми и Аннике казалось, что никогда еще они не пили такого вкусного кофе. Вообще кофе они пили очень редко, только в гостях. Но ведь теперь они и были в гостях. Анника неловко повернулась и пролила себе на платье немного кофе. Сперва ей было мокро и тепло, потом стало мокро и холодно, но она сказала, что это пустяки.

Когда кофе был допит, Пеппи, не слезая с дуба, стала швырять посуду на траву.

– Хочу проверить, – объяснила она, – из хорошего ли фарфора делают теперь чашки.

Каким-то чудом уцелели одна чашка и все три блюдца. А у кофейника отбилась только носик.

Пеппи тем временем захотелось забраться повыше на дуб.

– Смотрите, смотрите! – вдруг крикнула она. – В дереве-то огромное дупло!

И в самом деле, в стволе дуба, чуть повыше того места, где они сидели, была огромная дыра, скрытая от них листвой.

– Я тоже сейчас туда залезу! – воскликнул Томми. – Ладно, Пеппи? Но ответа не последовало.

– Пеппи! Где же ты? – с тревогой спросил Томми.

И вдруг раздался голос Пеппи. Но не сверху, как ожидали ребята, а почему-то снизу, и звучал он так гулко, словно доносился из подземелья.

– Я в дереве! Оно пустое до самой земли. А вот в эту дырочку я вижу кофейник на траве.

– А как же ты оттуда выберешься? – испугалась Анника.

– Я никогда отсюда не выберусь, – ответила из дупла Пеппи. – Я буду тут стоять, пока не стану пенсионеркой. А вы будете носить мне еду и спускать ее на веревке раз пять-шесть в день, не больше...

Анника начала плакать.

– К чему эти слезы, к чему рыдания? – пропела вдруг Пеппи и добавила: – Лезьте сюда ко мне, мы будем играть в узников, которые чахнут в подземелье.

– Никуда я не полезу, – заорала Анника и для большей безопасности тут же

спрыгнула с дерева.

– Эй, Анника, а я тебя вижу в дырочку... Не наступи на кофейник! Это заслуженный старый кофейник, который ничего плохого не сделал. Он не виноват, что у него нет носика!

Аника подошла вплотную к дереву и увидела в трещине коры кончик Пеппиного пальца. Это ее немного утешило, но все же она продолжала волноваться.

– Пеппи, а ты в самом деле не можешь выбраться? – спросила она.

Палец Пеппи исчез, и через минуту в отверстии дупла показалась ее смеющаяся физиономия.

– Ну, честно говоря, могу. Стоит только захотеть, – сказала Пеппи и, подтянувшись на руках, вылезла по пояс.

– Ой, раз так легко выбираться, то я тоже полезу! – крикнул Томми, все еще сидевший на дереве. – Залезу в дупло и тоже немного почихну.

– Знаете что, – сказала Пеппи, – давайте принесем сюда стремянку.

Она быстро выбралась из дупла и спрыгнула на землю. Дети побежали за стремянкой. Пеппи с трудом втащила ее на дуб и опустила в дупло.

Томми не терпелось туда забраться. Это оказалось не так-то просто – отверстие дупла находилось высоко, под самой кроной. Но Томми мужественно полез вверх и потом исчез в темной дыре. Аника решила, что больше никогда не увидит своего брата. Она прильнула к трещине, стараясь разглядеть, что происходит внутри дупла.

– Анника! – донесся до нее голос Томми. Знаешь, как здесь здорово!.. Лезь в дупло! Это ни капельки не страшно...

Тут, внутри, лестница... Если заберешься сюда, то больше ни во что другое играть не захочешь.

– Ну да? Правда?

– Честное слово!

Аника снова полезла на дерево и с помощью Пеппи добралась до отверстия дупла, но, увидев, какая там темень, невольно отшатнулась. Пеппи, крепко схватив Анику за руку, принялась ее успокаивать.

– Да ты не бойся, Анника, – раздался в дупле голос брата. – Если сорвешься, я тебя подхватю.

Но Аника не упала, а вполне благополучно спустилась по лестнице к Томми. Через минуту рядом с ними оказалась и Пеппи.

– Ну разве тут не здорово! – воскликнул Томми.

Аника не могла не согласиться с братом. В дупле оказалось вовсе не так темно, как она думала. Сквозь трещины в коре туда проникал свет. Аника подошла к одной из

таких щелей, чтобы проверить, виден ли отсюда кофейник.

– Теперь у нас есть настоящий тайник, – сказал Томми.

– Никто никогда не узнает, что мы здесь находимся. И если люди придут нас искать, мы сможем отсюда наблюдать за ними. Вот будет здорово!..

– А еще, – перебила его Пеппи, – мы возьмем длинный прутик, просунем его вот сюда и будем колотить всех, кто приблизится к дереву. И люди подумают, что в дубе живет привидение.

Это предложение им так понравилось, что все трое принялись скакать на месте и обнимать друг друга. Но тут раздались удары гонга: Томми и Аннику звали к обеду.

– Как жалко, – сказал Томми, – надо идти домой. Но завтра, как только мы вернемся из школы, мы залезем сюда.

– Ладно, – сказала Пеппи.

И они поднялись по лестнице. Сперва Пеппи, за ней Анника и последним Томми. А затем спрыгнули с дерева. Сперва Пеппи, за ней Анника и последним Томми.

Глава 6: Как Пеппи устраивает экскурсию

– Сегодня мы не учимся, – сказал Томми, – у нас в школе санитарный день.

– Как! – воскликнула Пеппи. – Снова несправедливость. Почему у меня нет никакого санитарного дня? А он мне так нужен! Вы только посмотрите, какой грязный пол на кухне. Впрочем, я могу его вымыть и без санитарного дня. Сейчас я этим займусь! Хотела бы посмотреть на того, кто помешает мне это сделать. А вы, ребята, садитесь-ка на кухонный стол и не путайтесь под ногами.

Томми и Анника послушно забрались на стол. Туда же прыгнул господин Нильсон – он любил спать, свернувшись клубочком, на коленях Анники. Пеппи согрела большой котел воды и не долго думая вылила горячую воду прямо на пол. Потом она разулась, а свои огромные черные туфли аккуратно поставила на хлебницу. Привязав к каждой ноге по щетке, она принялась разъезжать по полу, скользя по воде, словно на водных лыжах.

– Когда я мою пол, мне всегда кажется, что я чемпионка по фигурному катанию, – сказала она и так высоко задрала левую ногу, что щетка сорвалась с ноги и отбила край стеклянного абажура висячей лампы. – Уж чего-чего, а изящества и грации у меня хоть отбавляй! – добавила она и перепрыгнула через спинку стула.

– Вот и все, – сказала Пеппи несколько минут спустя и отвязала вторую щетку. – Теперь на кухне чисто.

– Как, ты не протрешь пол тряпкой? – с удивлением спросила Анника.

– Нет, зачем, пусть высохнет на солнышке... Думаю, он не простудится...

Томми и Анника спрыгнули со стола и осторожно, чтобы не замочить ноги, вышли из кухни.

Небо было удивительно голубым, и солнце ярко сияло, хотя сентябрь был в разгаре. День выдался на редкость ясный, так и тянуло пойти в лес. Вдруг Пеппи предложила:

- Давайте возьмем господина Нильсона и пойдем на экскурсию.
- Давайте! Давайте! – восторженно закричали Томми и Анника.
- Тогда сбегайте поскорее домой и отпроситесь у мамы. А я тем временем соберу в дорогу корзиночку с едой.

Томми и Анника так и сделали. Они сбегали домой и вскоре вернулись. Пеппи уже ждала их у калитки. В одной руке она держала здоровенную палку, в другой – корзиночку с провизией, а на плече у нее восседал господин Нильсон.

Сначала ребята шли по шоссе. Затем свернули на луг. За лугом среди берез и кустов орешника вилась манящая тропинка. Так не спеша они дошли до изгороди, за которой виднелась еще более привлекательная лужайка. Но у самой калитки стояла корова, и по всему было видно, что она не намерена сдвинуться отсюда ни на шаг. Анника, конечно, испугалась, и тогда Томми мужественно подошел к корове и попытался ее прогнать. Но корова даже не шелохнулась и только пялила на ребят свои большие, навывкате глаза. Пеппи надоело ждать, она поставила корзинку на траву, подошла к корове и так сильно толкнула ее, что корова без оглядки умчалась в орешник.

- Подумать только – корова, а упряма, как осел! – сказала Пеппи и перепрыгнула через изгородь.

- Ой, какая красивая лужайка! – воскликнула Анника и побежала вприпрыжку по траве.

Томми вынул перочинный ножик – подарок Пеппи – и срезал себе и Аннике по палочке. Правда, при этом он поранил себе палец, но сказал, что это пустяки.

- Давайте собирать грибы, – предложила Пеппи и сорвала красивый красный мухомор. – Не знаю точно, съедобен ли этот гриб. Но я считаю так, раз его нельзя пить, то, значит, можно есть. А что с ним еще делать?

Она откусила большой кусок гриба и принялась его жевать.

- Правда, очень вкусно! Но давайте лучше собирать грибы в другой раз, – сказала она весело и закинула мухомор высоко-высоко, даже выше деревьев.

- Что у тебя в корзинке, Пеппи? – спросила Анника.

- А вот этого я тебе не скажу ни за что на свете, – ответила Пеппи. – Сперва мы должны найти подходящее местечко для пикника.

Они разбрелись в поисках подходящего местечка. Анника предложила расположиться у большого плоского камня.

- Здесь очень уютно, – сказала она.

– Но здесь полно красных муравьев, а есть вместе с ними я не намерена, потому что я с ними незнакома, – возразила Пеппи.

– Да к тому же они здорово кусаются, – добавил Томми.

– Верно! – подхватила Пеппи. – И думаю, что лучше кусать самим, чем быть искусанными. Нет, тут для моих веснушек мало солнца. А что может быть лучше веснушек!

Ребята пошли дальше и вскоре увидели довольно высокий холм, на который они без труда взобрались. На вершине его была небольшая площадка, похожая на террасу, словно специально сделанная. Там они и решили остаться.

– Закройте глаза, пока я буду играть в скатерть-самобранку.

Томми и Анника зажмурились. Они слышали, как Пеппи откинула крышку корзинки и зашелестела бумагой.

– Раз, два, три – смотри! – крикнула Пеппи.

Томми и Анника открыли глаза и закричали от восторга, увидев все припасы, которые Пеппи разложила на камне. Два огромных бутерброда, один с биточками, другой с ветчиной, целую гору посыпанных сахаром оладий, несколько ломтиков копченой колбасы и три маленьких ананасовых пудинга. Ведь Пеппи училась готовить у кока на корабле.

– Эх, красота, когда бывает санитарный день, – с трудом произнес Томми, так как рот его был набит оладьями. – Вот был бы каждый день санитарным!

– Нет, так часто мыть пол я не согласна, – сказала Пеппи. – Конечно, это весело, не спорю, но каждый день все же утомительно.

В конце концов они так наелись, что были уже не в силах пошевелинуться, и молча грелись на солнышке.

– Не думаю, что летать так уж трудно... – проговорила вдруг Пеппи, задумчиво поглядывая с холма в лощину: тропинка круто сбегала по склону вниз, и до лужайки было далеко.

– Я просто уверена, что можно научиться летать, – продолжала Пеппи. – Конечно, шлепнуться на землю не сладко, но ведь не обязательно начинать сразу с большой высоты. Честное слово, я сейчас попробую.

– Нет, Пеппи, пожалуйста, не надо! – испуганно крикнули Томми и Анника. – Пеппи, миленькая, не делай этого!

Но Пеппи уже стояла у края обрыва.

– «Гуси, гуси!» – «Га-га-га!» – «Есть хотите?» – «Да-да-да!» «Ну, летите, как хотите!» И гуси полетели.

Когда Пеппи сказала: «И гуси полетели!», она взмахнула руками и прыгнула с холма. Через полсекунды раздался глухой удар – Пеппи шлепнулась на землю. Томми и

Анника, лежа на животе, с ужасом смотрели вниз. Но Пеппи тотчас вскочила на ноги и потерла ушибленные колени.

– Я не махала крыльями! Забыла! – весело объяснила она. – А кроме того, я отяжелела от оладьев.

И только тут ребята спохватились, что господин Нильсон исчез. Было ясно, что он решил предпринять самостоятельную экскурсию. Еще несколько минут назад он сидел неподалеку и весело тербил прутьи корзинки. А когда Пеппи решила учиться летать, они о нем забыли. И теперь господина Нильсона и след простыл. Пеппи так огорчилась, что швырнула одну туфлю в глубокую канаву с водой.

– Не надо, никогда не надо брать с собой обезьяну, если куда-нибудь идешь! Почему я не оставила господина Нильсона дома? Сидел бы себе там вместе с лошадей. Это было бы только справедливо, – сказала Пеппи и полезла в канаву за туфлей. Воды там оказалось по пояс.

– Ну, уж раз такое дело, придется окунуться с головой. – Пеппи нырнула и так долго сидела под водой, что пошли пузыри. Наконец она вынырнула.

– Ну вот, теперь можно не ходить к парикмахеру мыть голову, – сказала она отфыркиваясь. Вид у нее был очень довольный.

Пеппи вылезла из канавы и обулась. Затем все отправились на поиски господина Нильсона.

– А я теперь похожа на дождик, – сказала вдруг Пеппи. – С платья капает: кап-кап! В туфлях хлюпает: хлюп-хлюп... До чего же приятно! И ты, Анника, попробуй нырни!

Анника выглядела так нарядно: на ней было розовое платьице, которое очень шло к ее золотистым локонам, а на ногах – белые кожаные туфельки.

– Обязательно, только в другой раз, – лукаво ответила она.

Ребята пошли дальше.

– Ну как мне не сердиться на господина Нильсона? Всегда с ним так. Однажды в Сарабае он вот так же удрал от меня и поступив в услужение к одной старой вдове... Ну насчет вдовы я, конечно, придумала, – добавила Пеппи, помолчав.

И тут Томми предложил разойтись всем в разные стороны. Анника испугалась было идти одна, но Томми сказал:

– Ах ты, трусиха!

Не желая больше подвергаться насмешкам, Анника покорно, но нехотя побрела одна по тропинке, а Томми пошел по лугу. Господина Нильсона он не нашел, зато увидел огромного быка – вернее бык увидел Томми. И Томми быку не понравился. Это был злой бык, и детей он терпеть не мог. Бык опустил голову и с ревом бросился на Томми. Томми заорал на весь лес. Пеппи и Анника услышали крик и побежали на выручку. И они увидели, как бык поднял Томми на рога и очень высоко его подбросил.

– Вот глупая скотина, – сказала Пеппи Аннике, которая горько плакала. – Разве так себя ведут! Гляди, он запачкал белую матроску Томми! Придется мне с ним потолковать, поучить его уму-разуму.

Пеппи подбежала к быку и схватила его за хвост.

– Простите, если я вам помешала, – сказала она. Сперва бык не обратил на нее никакого внимания, но Пеппи дернула посильнее. Тогда бык обернулся и увидел девочку, которую ему тоже захотелось вздернуть на рога.

– Повторяю, прошу простить меня, если я помешала. Простите меня столь великодушно и за то, что я вынуждена вас ударить... – с этими словами Пеппи изо всех сил стукнула быка кулаком по рогу. – В этом сезоне не модно носить два рога. Все лучшие быки уже перешли на один рог, а кое-кто и вовсе отказался от рогов, – закончила она и ударила по другому рогу.

Так как у быков рога боли не чувствуют, наш бык не знал, есть ли у него еще рога или нет. На всякий случай он все же решил пободаться, и, будь на месте Пеппи кто-нибудь другой, от него осталось бы мокрое место.

– Ха-ха-ха! Перестань меня щекотать! – смеялась Пеппи. – Вы даже представить себе не можете, как я боюсь щекотки. Ха-ха-ха! Перестаньте! Перестаньте, не то я сейчас умру от смеха.

Но бык не внял ее просьбе, и Пеппи пришлось вскочить ему на спину, чтобы хоть минутку передохнуть. Но передышки никакой не получилось, потому что быку не понравилось, что Пеппи уселась на него верхом. Он принялся скакать, лягаться, задирать голову и крутить хвостом, всячески пытаясь освободиться от своей ноши. Но Пеппи впилась пятками в бока и цепко держалась за холку. Бык как бешеный носился по лугу и мычал. Ноздри его раздувались, а Пеппи хохотала, и кричала, и махала Томми и Аннике, которые дрожали от страха. А бык продолжал метаться, все еще надеясь скинуть Пеппи.

– Ах, мой милый, попляши и копытцами стучи! – напевала Пеппи, крепко сидя на спине у быка.

Наконец бык так устал, что лег на траву, мечтая только об одном: чтобы все дети исчезли с лица земли. Прежде он даже не представлял себе, что с детьми так трудно справиться.

– Ах, вам захотелось вздремнуть? – дружелюбно спросила его Пеппи. – Что ж, тогда я не буду мешать.

Она соскочила со спины быка и направилась к стоящим поодаль Томми и Аннике. Томми перестал плакать; падая, он ободрал кожу на руке, но Анника перевязала ему ранку платком, и она уже не болела.

– О Пеппи!.. – горячо воскликнула Анника, когда Пеппи подошла к ним.

– Тише, – сказала Пеппи шепотом, – не буди быка, а то он проснется и будет капризничать. Господин Нильсон! Господин Нильсон! – заорала она во все горло, ничуть не боясь потревожить сон быка. – Нам пора домой!

И вдруг дети увидели господина Нильсона. Он сидел на верхушке сосны и тщетно пытался поймать свой хвост. Выглядел он весьма печально, И в самом деле, не очень-то приятно такой маленькой обезьянке оказаться одной в лесу. Он мигом спустился с сосны, уселся к Пеппи на плечо и, как всегда в порыве радости, принялся размахивать своей соломенной шляпой.

– Значит, на этот раз ты не нанялся в услужение к престарелой вдове? Правда, это вранье. Но ведь правда не может быть враньем, к тому же господин Нильсон прекрасно умеет готовить мясные тефтельки, прямо всем на удивление, – сказала вдруг Пеппи.

Ребята решили возвращаться домой. С платья Пеппи по-прежнему капала вода – кап-кап, а в туфлях по-прежнему хлюпало – хлюп-хлюп, Томми и Анника считали, что, несмотря на приключения с быком, они прекрасно провели день, и запели песню, которую разучивали в школе. Собственно говоря, это была летняя песня, а теперь уже стояла осень, но тем не менее им казалось, что она подходит для такого случая. Пеппи тоже пела, но так как не знала слов, она сама их выдумывала.

Глава 7: Как Пеппи идет в цирк

В маленький городок, где жили Пеппи, Томми и Анника, приехал цирк, и все дети стали просить у своих пап и мам денег на билеты. Точно так же поступили Томми и Анника; их папа тут же вынул из кошелька несколько блестящих серебряных крон.

Зажав деньги в кулак, Томми и Анника со всех ног бросились к Пеппи. Они застали ее на террасе возле лошади.

Хвост лошади был заплетен во множество тоненьких косичек, которые Пеппи украшала красными розочками.

– Сегодня, если не ошибаюсь, день ее рождения, и она должна принарядиться, – пояснила Пеппи.

– Пеппи, – сказал Томми, задыхаясь от быстрого бега, – ты пойдешь с нами в цирк?

– С вами я готова пойти хоть на край света, но вот пойду ли я в сырк, мне сказать трудно, потому что я не знаю, что это за штука такая – сырк? Там не лечат зубы? Если лечат, не пойду.

– Что ты, глупенькая, никаких зубов там не лечат. Это самое прекрасное место на земле. Там лошади и клоуны, и красивые дамы ходят по канату!..

– Но за это надо платить деньги, – сказала Анника и разжала кулак, чтобы посмотреть, не потеряла ли она блестящую двухкрановую и две пятиэровые монетки, которые дал ей папа.

– Я богата, как Кошей Бессмертный, и наверняка смогу купить себе этот самый сырк. Правда, если я буду держать еще несколько лошадей, то в доме станет, пожалуй, тесновато. Клоунов и дам я как-нибудь размещу, а вот с лошадьми дело будет хуже...

– Да как ты не понимаешь, – перебил ее Томми, – никакого цирка тебе покупать не придется. Деньги платят, чтобы смотреть...

– Этого еще не хватало! – возмутилась Пеппи и быстро закрыла глаза. – За то, чтобы смотреть, надо платить деньги? А я ведь целыми днями только и делаю, что глазею по сторонам. Никогда не сосчитать, на сколько денег я уже всего нагладелась.

Но через несколько секунд Пеппи осторожно приоткрыла глаза – она так крепко зажмурилась, что у нее закружилась голова.

– Ладно! – воскликнула она. – Пусть стоит, сколько стоит. Я не могу ничего не видеть!

Наконец Томми и Анника кое-как втолковали Пеппи, что такое цирк, и тогда Пеппи вынула из своего кожаного чемодана несколько золотых монет. Затем она надела шляпу величиной с мельничное колесо и вместе со своими друзьями отправилась в цирк.

У входа в цирк толпились люди, а у билетных касс стояли очереди. Когда Пеппи подошла к кассе, она просунула голову в окошечко и, увидев там милую пожилую даму, спросила:

– Сколько стоит на тебя посмотреть? Но дама была иностранка, она не поняла, что у нее спрашивает Пеппи, и ответила на ломаном языке:

– Вэвочка, лютший мест пять крон, другая мест – три крон, а один мест стоят – одна крон.

– Хорошо, – сказала Пеппи, но ты должна мне обещать, что будешь ходить по канату.

Через плечо Пеппи Томми увидел, что она берет билет за три кроны. Пеппи протянула кассирше золотую монету, и пожилая дама с недоверием посмотрела сперва на девочку, потом на монету. Она даже попробовала монету на зуб, чтобы проверить, не фальшивая ли она. Убедившись, что монета действительно золотая, кассирша дала Пеппи билет и сдачу – множество никелевых монеток.

– Да что я буду делать с этой кучей тусклых денежек? Возьми их себе, тогда я смогу посмотреть на тебя два раза, пусть хоть стоя, – сказала Пеппи.

Так как Пеппи наотрез отказалась брать какую-либо сдачу, кассирше пришлось обменять ее билет на пятикроновый, да к тому же дать пятикроновые билеты Томми и Аннике, не взяв с них ни эре доплаты.

Вот как получилось, что Пеппи и ее друзья уселись на самые лучшие места – на кресла, обитые красным бархатом, сразу же за барьером арены. Томми и Анника вертелись, оглядывались по сторонам и махали своим школьным товарищам, которые сидели значительно дальше.

– Что за странная юрта? – спросила Пеппи, с удивлением рассматривая цирк. – И опилки кто-то рассыпал по полу. Я не такая чистюля, но, право, это уж слишком!

Томми объяснил Пеппи, что опилками посыпают арену во всех цирках мира, чтобы лошадям было удобнее бегать и прыгать.

На балкончике сидели музыканты, которые вдруг громко заиграли марш. Пеппи бешено захлопала в ладоши и даже несколько раз подпрыгнула на месте от радости.

– А за музыку тоже надо платить, или можно слушать ее бесплатно? – спросила она.

Как раз в эту минуту из-за занавески, перекрывающей артистический вход, показался директор цирка. На нем был черный фрак, и в руке он держал длинный хлыст. Вслед за ним на арену выбежали две белые лошади с красным плюмажем на головах. Директор щелкнул хлыстом, и лошади стали передними ногами на барьер. Одна из лошадей оказалась рядом с детьми. Аннике не понравилось это соседство, и она прижалась к самой спинке своего кресла. А Пеппи наклонилась вперед и, охватив обеими руками лошадиное копыто, сказала:

– Здравствуй, лошадь! Я могу передать тебе привет от моей лошади. У нее сегодня тоже день рождения, но я ей украсила розочками не голову, а хвост...

Однако Пеппи пришлось тут же выпустить копыто, потому что директор снова щелкнул хлыстом, и лошади, спрыгнув с барьера, опять помчались по кругу.

Когда номер закончился, директор вежливо поклонился, и лошади тоже склонили свои украшенные плюмажем головы. И тотчас снова дрогнула занавеска у выхода, и на арену выскочила черная как смоль лошадь, а у нее на спине стояла красивая девушка в зеленом шелковом трико. Звали ее мисс Карменсита, как было написано в программе. Лошадь мчалась вдоль барьера, а мисс Карменсита спокойно стояла и улыбалась. Но вдруг, в тот момент, когда лошадь проносилась мимо места, где сидела Пеппи, в воздухе что-то мелькнуло. Этим что-то была сама Пеппи. Она вскочила на спину лошади и стала за мисс Карменситой. Мисс Карменсита так удивилась, что чуть было не свалилась на землю. Затем она рассердилась и стала размахивать руками, стараясь спихнуть Пеппи, но это ей не удавалось.

– Нет уж, – кричала ей Пеппи, – теперь я тоже немного позабавлюсь! Ты думаешь, только тебе хочется ездить верхом. Все заплатили деньги, не ты одна!

Тогда мисс Карменсита сама решила спрыгнуть с лошади, но и это ей не удалось, потому что Пеппи крепко держала ее обеими руками. А публика так и покатывалась со смеху: очень уж забавно выглядит мисс Карменсита с этим рыжим вихрастым существом в огромных черных туфлях, видно, специально обутых для выступления в цирке! Но директор цирка не смеялся, он знаком приказал служителям в красных униформах остановить лошадь.

– Неужели номер уже кончился? – спросила Пеппи. – Как жалко, нам было так весело!

– Противная мальчишка, убиралась вон с мой сирк! – процедил сквозь зубы директор. Пеппи с укоризной взглянула на него:

– Чего ты на меня сердишься?.. Я думала, все пришли сюда, чтобы веселиться. Разве не так? – спросила она.

Пеппи спрыгнула с лошади и села на свое место, но к ней подошли два униформиста. Они схватили ее за руки и хотели было вывести из цирка, но у них ничего не вышло. Пеппи так прочно уселась в кресло, что не было никакой возможности оторвать ее от сиденья. Служители попытались поднять ее еще раз, потом пожали плечами и отошли в сторону.

Тем временем начался следующий номер. На арене появилась мисс Эльвира и направилась к натянутому канату. На ней было розовое платье, а в руке она держала

зонтик. Мелкими изящными шажками прошла она по канату, а потом принялась выделывать разные акробатические трюки.. Это был очень красивый номер. В заключение мисс Эльвира удивила публику тем, что пошла назад, птясь словно рак. Когда она очутилась, наконец, на маленькой площадке, от которой был протянут канат, там уже стояла Пеппи.

– Ну, а теперь дай и мне походить, всем надо по очереди, – твердо сказала девочка, заметив удивленный взгляд мисс Эльвиры.

Мисс Эльвира ничего не ответила, она прыгнула вниз и бросилась на шею директору цирка, который был, как оказалось, ее отцом. И снова директор цирка послал служителей в красных униформах, на этот раз пять человек, чтобы выдворить Пеппи из цирка. Но тут публика стала кричать: «Пусть выступает эта рыжая девочка!» и все застучали ногами и захлопали в ладоши.

Пеппи пошла по канату. И все увидели, что мисс Эльвира ничего не стоит по сравнению с ней. Когда она дошла до середины каната, то так задрала ногу, что носок туфли повис над ее головой, словно навес. Затем она сделала «пистолет» и начала крутиться на одной ноге.

Но директор цирка вовсе не был рад, что у него выступает Пеппи. Он хотел лишь одного: избавиться от нее любыми способами. Он подошел к механизму, который натягивает канат, и повернул рычаг. Он рассчитывал, что Пеппи упадет, когда канат ослабнет. Но этого не случилось. Канат повис, но тогда Пеппи стала раскачиваться на нем, как на качелях. Она взлетала все выше и выше и вдруг прыгнула прямо на спину директора. От неожиданности он так испугался, что завертелся волчком на месте.

– Вот так лошадка! – весело закричала Пеппи. – Только почему-то без красных перьев на голове!

Однако Пеппи решила, что ей пора уже вернуться к Томми и Аннике. Она прыгнула со спины директора и чинно села на свое место, ожидая начала следующего номера. Но директор задержался за кулисами: после всего случившегося ему необходимо было выпить стакан воды и привести в порядок свой костюм и прическу. Затем он вышел к публике, поклонился и сказал:

– Мою уважаемый дам и господа! Сейчас Вы увидайт одно чудо природы. Самый сильный челофек на сфете! Силач Адольф, которофо никто никогда не побеждадь! Внимание, идет Адольф!

Заиграла музыка, и на манеж выскочил здоровенный детина в трико телесного цвета, украшенном блестками. Шкура леопарда красовалась на его плечах. Адольф поклонился публике с самодовольной улыбкой.

– Обратит вниманий на его мускуль, – сказал директор и похлопал силача по плечу – мускулы на его руках вздувались как бильярдные шары.

– Теперь, многоуважаемый дам и господа, я имею сделайт фам один интересный предложений: тот ис фас, кто будит побеждайт силач Адольф, получайт сто крон. Принимайт вызоф силача Адольфа и – сто крон фаши!

Но никто не вышел на арену.

- Почему он говорит так непонятно? Что он сказал? – спросила Пеппи.
- Он говорит, что даст сто крон тому, кто победит этого верзилу, – пояснил Томми.
- Я могу, конечно, положить его на обе лопатки, – сказала Пеппи. – Но, по-моему, не стоит – он так мило выглядит.
- Да что ты, Пеппи, хвастаешься! Ведь он самый сильный парень на свете, – прошептала Анника.
- Верю. Ну, а я самая сильная девочка на свете, – возразила Пеппи. – Не забывай этого!

А силач Адольф тем временем поднимал тяжелые гири и гнул куски железных рельсов, чтобы доказать, какой он сильный.

- Так что ж, господа, – кричал директор цирка, – неужель не найдется такой смельчак, кто будет принимать вызов Адольфа? Что ж, тогда я буду прятать эти сто крон! – закончил он, размахивая стокроновой бумажкой.
- Нет, этого я не могу допустить, – решительно сказала Пеппи и перепрыгнула через барьер на арену.

Когда директор опять увидел Пеппи, он пришел в неопишемую ярость.

- Исчезни!.. Чтобы мой глаз тебя больше не видал! – закричал он.
- Почему ты так плохо ко мне относишься? – с упреком спросила Пеппи. – Я ведь только хочу помериться силами с Адольфом.
- Этот дрянной дефочка не знает стыда! – вопил директор. – Убирайся! Иначе силач Адольф будет стирать тебя в порошок!..

Но Пеппи, не обращая внимания на директора цирка, подошла к силачу Адольфу, взяла за руку и сердечно пожала ее.

- Ну, давай поборемся один на один, – сказала она.

Силач Адольф, ничего не понимая, таращил на нее глаза.

- Имей в виду, через минуту я начну без предупреждения, – заявила Пеппи.

Так она и сделала. Когда прошла минута, Пеппи набросилась на силача Адольфа, и... никто не заметил, как это получилось... но все увидели, что Адольф лежит, растянувшись на ковре. Силач тут же вскочил на ноги. Он был пунцово-красный.

- Ур-ра, Пеппи! – кричали Томми и Анника. И вслед за ними начали кричать и все зрители:
- Ур-ра, Пеппи! Ур-ра, Пеппи!

Директор цирка сидел на барьере арены и от злости кусал губы. Но еще больше директора злился силач Адольф. За всю жизнь он еще не переживал такого позора. Сейчас он покажет этой рыжей девчонке, чего он стоит! Адольф кинулся, на Пеппи,

обхватил ее своими мускулистыми ручищами и попытался свалить на землю, но Пеппи стояла твердо, как скала.

– Ну-ка, ну-ка, еще разок, давай, жми! – подбадривала она Адольфа.

Но вот Пеппи вырвалась из его объятий, и через мгновение Адольф уже снова лежал на ковре. Пеппи стояла возле него и ждала. Долго ей ждать не пришлось. С яростным криком Адольф вскочил на ноги и еще раз накинута на Пеппи.

– Гили-дили-дили-пом! – воскликнула Пеппи. А все люди в цирке подбрасывали в воздух свои шапки, стучали ногами и вопили во всю мочь:

– Ура, Пеппи! Ура, Пеппи!

Когда силач Адольф в третий раз налетел на Пеппи, она подбросила его в воздух, поймала на лету и на поднятой руке обнесла вокруг арены. Затем Пеппи снова швырнула его на ковер и, придерживая коленкой, чтобы он не встал, сказала:

– Ну, малыш, я думаю, больше мне с тобой возиться не стоит. Во всяком случае, веселее уже не будет.

– Пеппи победила! Пеппи победила! – кричала публика.

Силач Адольф позорно бежал с арены, а директор цирка был вынужден протянуть Пеппи стокроновую бумажку, хотя при этом вид у него был такой, словно он хотел съесть девочку.

– Пожалуйста, милый барышень, возьмите ваши сто крон.

– На что мне нужна эта бумажка? Сунь ее себе в карман, если хочешь. – И Пеппи села на свое место.

– Этот цирк скучный, – сказала она Томми и Аннике, – а вздремнуть никогда не вредно. Но если понадобится моя помощь, разбудите меня.

Пеппи устроилась поудобнее в кресле и заснула. Так она сладко похрапывала, пока клоуны, шпагоглотатели и гуттаперчевые люди показывали свое искусство для Томми, Анники и всех других зрителей.

– Но все же я считаю, что лучшим номером был номер Пеппи, – сказал Томми, обращаясь к Аннике.

Глава 8: Как к Пеппи забираются воры

После выступления Пеппи в цирке во всем маленьком городке не осталось ни одного человека, который не слышал бы о ее невероятной физической силе. О ней даже в газетах писали. Но люди из других городов не знали, конечно, что за удивительная девочка Пеппи.

Однажды темным осенним вечером двое бродяг шли мимо виллы «Курица». Это были настоящие воры – они бродили по стране, чтобы высмотреть, где что можно украсть. Увидев свет в окнах у Пеппи, они решили войти и попросить по куску хлеба с маслом. И надо же было случиться, что как раз в тот вечер Пеппи высыпала из своего

кожаного чемодана прямо на пол все золотые монеты и пересчитывала их. Монет было столько, что Пеппи их все равно никогда не смогла бы пересчитать. Но она все же пыталась это сделать – для порядка.

– Семьдесят пять, семьдесят шесть, семьдесят семь, семьдесят восемь, семьдесят девять, семьдесят одиннадцать, семьдесят двенадцать, семьдесят тринадцать, семьдесят семнадцать... Ой, как у меня устала шея!.. Наверное, когда такая куча золота, люди как-то по-другому считают, а то разве можно сосчитать столько денег. До чего же их много – то ли четыреста, то ли тысяча монет!

Как раз в этот момент раздался стук в дверь.

– Хотите – входите, не хотите – не входите, поступайте как хотите! – крикнула она.

Дверь открылась, и воры вошли в комнату. Можете себе представить выражение их лиц, когда они увидели рыжую девочку, которая, сидя на полу, пересчитывала золотые монеты.

– Ты что, одна дома? – спросил ее один из них, когда к нему вернулся дар речи.

– Вовсе нет, – ответила Пеппи, – господин Нильсон тоже здесь.

Откуда вора́м было знать, что господин Нильсон – это маленькая обезьянка, которая в это время как раз крепко спала в своей деревянной кроватке, выкрашенной в зеленый цвет? Они, конечно, подумали, что господин Нильсон – это хозяин дома, и понимающе перемигнулись, как бы говоря друг другу: «Что ж, мы заглянем сюда попозже».

– Мы зашли к тебе узнать, который час, – сказал другой вор.

Они так разволновались при виде золотых монет, что даже не попросили хлеба.

– А вы сперва отгадайте загадку, – сказала Пеппи. – «Идут, идут, а с места не сойдут» – что это такое? А если вы знаете какие-нибудь загадки, вы мне тоже загадайте...

Воры решили, что Пеппи слишком мала, чтобы ответить, который час. И, не говоря ни слова, повернули к дверям и ушли.

– Эх вы, здоровенные дяди, а не смогли отгадать, что это часы. Ну и уходите, пожалуйста! – крикнула им вслед Пеппи и занялась своими монетами.

А воры стояли на улице и потирали руки от удовольствия.

– Видел ли ты когда-нибудь столько денег? – спросил один другого. – Вот это да!

– Сегодня нам здорово повезло, – подхватил другой.

– Подождем немного, пока девочка и этот господин Нильсон заснут, а потом залезем к ним в дом и унесем все деньги.

Воры уселись поудобнее в саду и принялись ждать. Вскоре пошел проливной дождь, они промокли до нитки, к тому же их мучил голод. Одним словом, им было не очень-то уютно, но мысль о предстоящей краже ободряла их.

Одно за другим гасли окна во всех окрестных домах, но в домике Пеппи огонь все горел. Дело в том, что Пеппи решила сегодня во что бы то ни стало научиться танцевать твист и дала себе зарок не ложиться, пока не будет безошибочно выполнять все сложные фигуры этого танца. Но в конце концов и в ее домике погас свет.

Воры повременили еще немного, чтобы господин Нильсон успел крепко заснуть. Затем они бесшумно прокрались к черному ходу и вынули свои отмычки, собираясь взломать замок. Один из воров – его звали Блом – случайно нажал на дверную ручку. Оказалось, что дверь не заперта.

– Смотри, какие глупые люди, не запирают на ночь дверь, – прошептал Блом.

– Тем лучше для нас, – ответил его приятель по кличке Громила Карл.

Он зажег фонарик и осветил кухню. Но на кухне они не нашли ничего для себя интересного. Тогда они двинулись в комнату, где спала Пеппи и стояла кукольная зеленая кровать господина Нильсона.

Приоткрыв дверь, Громила осторожно заглянул в комнату: там было тихо и темно. Громила Карл стал шарить лучом фонарика по стенам. Когда луч упал на кровать Пеппи, то воры, к своему великому удивлению, увидели лишь две ноги, лежащие на подушке. Пеппи по обыкновению спала, положив на подушку ноги и укрывшись с головой одеялом.

– Это, видно, та самая девчонка, – прошептал Громила Карл Блону. – Она крепко спит. Интересно, а где спит этот Нильсон?

– Господин Нильсон, с вашего разрешения, раздался голос из-под одеяла, – я прошу называть его господином Нильсоном. Он спит в зеленой кукольной кровати.

Воры с перепугу хотели было немедленно бежать, но потом до них дошел смысл слов Пеппи: господин Нильсон спит, оказывается, в кукольной кровати! Они осветили карманным фонариком кровать и спящую в ней обезьянку, укрытую одеялом.

Громила Карл не смог удержаться от смеха.

– Подумать только, Блом, – сказал он хохоча, – господин Нильсон – обезьяна. Ха-ха-ха! Обезьяна!

– А кем бы ты хотел, чтобы он был, – раздался опять голос Пеппи, – мясорубкой, что ли?

– А где твои папа и мама, девочка? – спросил Блом.

– Их никогда не бывает дома, – ответила Пеппи.

Громила Карл и Блом так удивились, что даже закудахтали.

– Послушай-ка, девочка, – сказал Громила Карл, – вылезай-ка из постели, мы хотим с тобой поговорить.

– Значит, вы все-таки решили играть со мной в загадки? Что ж, тогда сперва

отгадайте ту, что я вам уже загадала: «Идут, идут, а с места не сойдут».

Но Блом решительно подошел к кровати и сдернул с Пеппи одеяло.

– Послушай, – сказала Пеппи, серьезно глядя ему в глаза, – ты умеешь танцевать твист? Я вот сегодня научилась.

– Уж больно много ты задаешь вопросов, – сказал Громила Карл. – А теперь мы тебя спросим: куда ты спрятала деньги, которые ты вечером пересчитывала на полу?

– Они в шкафу, в чемодане, – простодушно ответила Пеппи.

– Я надеюсь, ты не будешь ничего иметь против, если мы возьмем этот чемодан, малютка? – спросил Громила Карл.

– Пожалуйста, – сказала Пеппи.

Блом подошел к шкафу и вынул чемодан.

– А теперь, надеюсь, и ты, малютка, тоже ничего не будешь иметь против, если я возьму назад свой чемодан? – спросила Пеппи.

Пеппи вскочила на ноги и подбежала к Блому. Не успел он опомниться, как чемодан был уже в руках девочки.

– Брось шутки шутить, малютка, – зло проговорил Громила Карл, – давай-ка сюда чемодан! – И он крепко схватил Пеппи за руку.

– А я как раз хочу с тобой пошутить! – воскликнула Пеппи и закинула Громилу Карла на шкаф. Минуту спустя там оказался и Блом.

Тут оба вора не на шутку испугались – они поняли, что перед ними необычная девочка, но золото их так соблазняло, что они кое-как справились со своим страхом.

– Айда, Блом! – крикнул Громила Карл, и оба, спрыгнув со шкафа, набросились на Пеппи, которая все еще держала чемодан в руках.

Но Пеппи ткнула каждого указательным пальцем, и вору отлетели в разные углы комнаты. Прежде чем они успели подняться с пола, Пеппи схватила длинную веревку и в два счета связала им руки и ноги. Тут наши вору сменили, как говорится, пластинку.

– Милая, дорогая фрекен, – сладким голосом произнес Громила Карл, – прости нас, мы ведь только пошутили. Не делай нам ничего худого. Мы всего-навсего бедные, усталые бродяги. И зашли к тебе попросить хлеба.

Блом стал тоже молить о пощаде и даже пустил слезу.

Пеппи аккуратно поставила чемодан обратно в шкаф. Затем она обернулась к своим пленникам:

– Кто-нибудь из вас умеет танцевать твист?

– А то как же, – с готовностью отозвался Громила Карл, – мы оба умеем.

– Вот здорово! – воскликнула Пеппи и захлопала в ладоши. – Давайте потанцуем? Я как раз сегодня разучила этот танец.

– С удовольствием, – сказал Громила Карл. Но вид у него был несколько смущенный.

Тогда Пеппи принесла громадные ножницы и разрезала веревку, которой были связаны воры.

– Но вот беда, нет музыки, – озабоченно сказала Пеппи.

Однако тут же нашла выход. – Может, ты будешь играть на гребенке с папиросной бумагой? – обратилась она к Блomu. – А я буду танцевать вот с этим, – Пеппи указала на Громилу Карла.

Блом, конечно, охотно взялся играть на гребешке, а Громила Карл – танцевать. Блом играл так громко, что его музыка была слышна во всем доме. Господин Нильсон проснулся и, приподнявшись на кровати, с удовольствием глядел, как Пеппи кружится по комнате с Громилой Карлом. Пеппи танцевала с таким азартом, будто от этого танца зависела ее жизнь.

В конце концов Блом заявил, что не может играть на гребенке, потому что губам очень щекотно. А Громила Карл, который весь день шатался по дорогам, сказал, что у него болят ноги.

– Нет, нет, дорогие мои, я не натанцевалась, еще хоть немного, – сказала Пеппи и снова закружилась в танце.

И Блomu пришлось снова играть, а Громиле Карлу ничего не оставалось, как снова пуститься в пляс.

– О! Я могла бы танцевать до четверга, – сказала Пеппи, когда пробило три часа ночи, но, может, вы устали и хотите есть?

Воры в самом деле устали и хотели есть, но они не решались в этом признаться.

Пеппи вынула из буфета хлеб, сыр, масло, ветчину, кусок холодной телятины, кувшин молока, и все они – Блом, Громила Карл и Пеппи – уселись за кухонный стол и стали уплетать за обе щеки, пока не наелись до отвала. Остатки молока Пеппи вылила себе в ухо.

– Нет лучшего средства против воспаления уха, – пояснила она.

– Бедняжка, у тебя болит ухо? – воскликнул Блом.

– Нет, что ты, вовсе не болит, но ведь оно может заболеть.

В конце концов воры поднялись, горячо поблагодарили за еду и стали прощаться.

– Как я рада, что вы зашли ко мне! Вам в самом деле уже пора уходить? – огорченно спросила Пеппи. – Я никогда не встречала человека, который лучше тебя танцует твист, – сказала она Громиле Карлу. – А ты, – обратилась она к Блomu, – должен почаще упражняться в игре на гребенке, тогда губам не будет щекотно.

Когда воры стояли уже в дверях, Пеппи дала каждому из них по золотой монете.

– Вы их честно заработали, – сказала она.

Глава 9: Как Пеппи приглашают на чашку кофе

Как-то раз мама Томми и Анники пригласила на чашку кофе несколько знатных дам. По этому случаю она пекла пироги и решила, что поступит справедливо, если разрешит и детям позвать в гости свою новую подругу. «Мне будет даже спокойнее, – подумала она. – Дети будут вместе играть и не станут отвлекать меня от гостей».

Когда Томми и Анника услышали, что им можно позвать к себе Пеппи, они пришли в неописуемый восторг и тут же побежали приглашать ее в гости.

Они застали Пеппи в саду. Она поливала из старой заржавленной лейки последние чахлые осенние цветы. Моросил дождик, и Томми заметил, что в такую погоду цветы не поливают.

– Тебе легко говорить, – сердито возразила Пеппи, – а я, может быть, всю ночь не спала ни минуты и мечтала о том, как буду утром поливать клумбу. Неужели я допущу, чтобы моя мечта не осуществилась из-за какого-то паршивенького дождика! Нет! Этому не бывать!..

Но тут Анника сообщила радостную новость: мама приглашает Пеппи на чашку кофе.

– Меня? На чашку кофе? – воскликнула Пеппи и так разволновалась, что стала поливать вместо розового куста Томми. – Ой!.. Что же делать!.. Я так нервничаю!.. А вдруг я не сумею вести себя, как надо?..

– Что ты, Пеппи, ты будешь прекрасно вести себя! – успокоила ее Анника.

– Нет... Нет... это еще неизвестно, – возразила Пеппи. – Я буду стараться, можешь мне поверить, но мне много раз говорили, что я не умею себя вести, хотя стараюсь изо всех сил... Это вовсе не так просто... Но я обещаю вам, что на этот раз я буду ну прямо из кожи вон лезть, чтобы вам не пришлось за меня краснеть.

– Вот и прекрасно, – сказал Томми, и дети под дождем побежали домой.

– Не забудь, ровно в три часа! – уже издали крикнула Анника, выглядывая из-под зонтика.

Ровно в три часа перед входной дверью виллы, где жила семья Сеттергрэн, стояла Пеппи Длинныйчулок. Она была разодета в пух и прах. Волосы она распустила, и они развевались на ветру, словно львиная грива. Губы она ярко накрасила красным мелком, а брови намазала сажей так густо, что вид у нее был просто устрашающий. Ногти она тоже раскрасила мелками, а к туфлям приделала огромные зеленые помпоны. «Теперь я уверена, что буду самая красивая на этом пиру», – довольно пробормотала Пеппи, позвонив в дверь.

В гостиной у Сеттергрэнов уже сидели три почтенные дамы, Томми и Анника и их мама. Стол был празднично накрыт. В камине пылал огонь. Дамы тихо беседовали с мамой, а Томми и Анника, расположившись на диване, рассматривали альбом. Все дышало покоем.

Но вдруг покой разом нарушился:

– Р-рр-ружья напер-рр-ревес!

Эта оглушительная команда донеслась из прихожей, и через мгновение Пеппи Длинныйчулок стояла на пороге гостиной. Ее крик был таким громким и таким неожиданным, что почтенные дамы просто подскочили в своих креслах.

– Р-р-рота, шаго-оо-мар-р-рш! И Пеппи, чеканя шаг, подошла к фру Сеттергрэн и горячо пожала ей руку.

– Колени плавно сгибай! Ать, два, три! – выкрикнула она и сделала реверанс.

Улыбнувшись во весь рот хозяйке, Пеппи заговорила нормальным голосом:

– Дело в том, что я невероятно застенчива и если бы сама себе не скомандовала, то и сейчас еще топталась бы в прихожей, не решаясь войти.

Затем Пеппи обошла всех трех дам и каждую поцеловала в щеку.

– Шармант. Шармант. Великая честь! – повторяла она при этом. Эту фразу при ней как-то произнес один изысканный господин, когда его познакомили с дамой.

Затем она уселась в самое мягкое кресло. Фру Сеттергрэн рассчитывала, что дети отправятся наверх, в комнату Томми и Анники, когда придет их подруга, но Пеппи – это было ясно – не собиралась двигаться с места. Она похлопывала себя по коленям, то и дело поглядывая на накрытый стол, и вдруг сказала:

– Стол выглядит очень аппетитно. Когда же мы начнем?

Как раз в этот момент в гостиную вошла Элла, девушка, помогавшая фру Сеттергрэн по хозяйству, и внесла дымящийся кофейник.

– Прошу к столу, – обратилась к гостям фру Сеттергрэн.

– Чур, я первая! – крикнула Пеппи, и прежде чем почтенные дамы успели встать с кресел, она уже очутилась у стола.

Не долго думая, она наложила себе на тарелку целую гору сладостей, бросила в чашку семь кусков сахара, вылила в нее не менее половины кувшинчика сливок и, откинувшись на стуле, придвинула к себе всю свою добычу.

Поставив блюдо со сладким пирогом себе на колени, Пеппи с необычайной быстротой принялась макать в кофе печенье и совать себе в рот. Она так набила рот печеньем, что, как ни старалась, не могла произнести ни слова. С той же стремительностью она расправилась и с пирогом. Затем, вскочив с места, Пеппи начала бить в тарелку, как в бубен, и кружиться вокруг стола, выискивая, чем бы еще полакомиться. Почтенные дамы бросали на нее неодобрительные взгляды, но она их не замечала. Весело щебеча, Пеппи продолжала прыгать вокруг стола, то и дело засовывая себе в рот то пирожное, то карамельку, то печенье.

– Как мило с вашей стороны, что вы меня пригласили. Меня еще никогда не звали на чашку кофе.

Посередине стола красовался огромный сливочный торт, украшенный красным

цукатным цветком. С минуту Пеппи стояла, заложив руки за спину, не в силах отвести глаз от красного цветка, и вдруг она нагнулась над тортом и выкусила из него весь цукатный цветок. Она проделала это так стремительно, что до ушей вымазалась кремом.

– Ха-ха-ха, – рассмеялась Пеппи. – Теперь давайте играть в жмурки. Но мне придется все время водить, я ничего не вижу.

Пеппи высунула язык и принялась облизывать губы и щеки.

– Что и говорить, случилась беда, – сказала она. – Но так как торт все равно погиб, мне ничего не остается, как поскорей его прикончить.

Сказано – сделано. Вооружившись лопаточкой, Пеппи быстро заглотала торт и с довольным видом похлопала себя по животу.

В это время фру Сеттергрэн как раз вышла за чем-то на кухню, поэтому она не знала, что происходит в гостиной. Но другие дамы строго глядели на Пеппи. Видно, им тоже хотелось отведать этого торта. Пеппи заметила, что дамы недовольны, и решила их ободрить.

– Не следует огорчаться по пустякам, – сказала она им. – Берегите свое здоровье. В гостях надо всегда веселиться.

Она схватила сахарницу с пиленным сахаром и вывалила сахар на пол.

– Ой, что я наделала! Как я могла опростоволоситься! Ведь я же думала, что здесь сахарный песок. Верно говорят: пришла беда – отворяй ворота. Если рассыпаешь пиленный сахар, есть только один способ выйти из положения: надо тут же рассыпать песок.

Пеппи схватила со стола другую сахарницу, на этот раз с сахарным песком и, набрав полный рот песка, принялась что было силы дуть, фонтаном разбрызгивая песок по комнате.

– Если уж это не поможет, то ничего не поможет!

И она перевернула сахарницу и высыпала остатки песка на пол.

– Прошу всех обратить внимание, на этот раз я не ошиблась, рассыпала сахарный песок, а не кусковой сахар, значит, я исправилась свой промах. Знаете ли вы, как приятно ходить по песку? – спросила она у почтенных дам и, не долго думая, сняла туфли и чулки.

– Уверю вас, вам тоже следует попробовать, – снова обратилась она к дамам. – Лучше ничего на свете нет, поверьте мне!

Как раз в эту минуту фру Сеттергрэн вернулась из кухни. Увидев, что по всему полу рассыпан сахар, она резко схватила Пеппи за руку и повела ее к дивану, где сидели Томми и Анника. Сама же она под села к своим гостям и предложила им еще по чашечке кофе. Обнаружив, что торт бесследно исчез, фру Сеттергрэн очень обрадовалась, решив, что дамы по достоинству оценили ее кулинарное искусство.

Пеппи, Томми и Анника тихо разговаривали на диване. В камине по-прежнему пылал огонь. Дамы пили кофе, и в гостиной снова воцарилась тишина и покой. И как всегда, когда дамы пьют кофе, разговор зашел о домашних работницах. Говорили о том, как трудно сейчас найти хорошую работающую девушку и как все они небрежно относятся к своим обязанностям. И дамы сошлись на том, что вообще не стоит держать домашних работниц, лучше все делать самим – будешь по крайней мере знать, что все сделано на совесть. Пеппи сидела на диване и молча слушала разговор дам.

– У моей бабушки была работница, которую звали Малин, – вдруг сказала она громко.
– У этой Малин был только один недостаток: ее мучили мозоли на ногах. Как только к бабушке приходили гости, Малин кидалась на них, норовя укусить в икру. И ругалась... О! Как она ругалась! На весь квартал было слышно! Впрочем, ругалась она не всегда, а только когда была в веселом настроении. Но гостям ведь было невдомек, что Малин так веселится. И вот однажды к бабушке пришла с визитом очень старая дама, жена пастора. Малин тогда еще только поступила к бабушке. Не успела пасторша усестись в кресло, как в комнату ворвалась Малин и вцепилась зубами ей в ногу. Пасторша так завопила, что Малин с испуга еще плотнее сжала челюсти. И потом, представьте себе, она уже не смогла разжать их до пятницы. Так что бабушке пришлось самой чистить картошку. Но зато картошка была хоть раз почищена как следует. Бабушка чистила ее так усердно, что, когда кончила, перед ней на столе лежала гора очисток, а картошки вообще не осталось. Только одни очистки! Но после той пятницы пасторша к бабушке больше ни ногой: старушка не понимала шуток. Зато Малин была в отличном настроении. Но характер у нее – спору нет – был все-таки нелегкий. Однажды, когда бабушка пырнула ее вилкой в ухо, она целый день дулась.

Пеппи огляделась вокруг и дружески улыбнулась дамам.

– Да, вот какой была эта Малин... Приходится терпеть, – раздумчиво произнесла она и со вздохом сложила руки на животе.

Дамы делали вид, что не слышат болтовни Пеппи, и продолжали свой разговор:

– Если бы моя Роза была хотя бы чистоплотной, ее еще можно было бы держать в доме, – сказала фру Берггрен, – но она такая грязнуля, настоящий поросенок.

– А вы бы поглядели только на Малин, – снова громко произнесла Пеппи. – Вот неряха так неряха! Бабушка говорила, что никак на нее не нарадуется, и даже долго считала ее негритянкой, такая она была черная. Но потом выяснилось, что это просто неотмытая грязь. А однажды на благотворительном балу в ратуше Малин получила первый приз за самые грязные ногти... Даже страшно подумать, – весело закончила Пеппи, до чего же люди бывают грязны!

Фру Сеттергрен строго взглянула на Пеппи.

– Представьте себе, – сказала фру Гренберг, – как-то на днях моя Бритта, отправляясь на гулянку, напялила на себя мое синее шелковое платье! Ну разве это не нахальство!

– Конечно, конечно, – подхватила Пеппи, – я вижу, ваша Бритта из того же теста, что и наша Малин. У бабушки была розовая кофта, которой она очень дорожила. Но вся беда в том, что Малин просто с ума сходила по этой самой кофте. И вот каждое утро

бабушка и Малин начинали спорить, кому надеть эту кофту. Наконец они договорились, что будут носить ее по очереди, через день, это по крайней мере справедливо. Но вы и представить себе не можете, до чего с Малин было трудно. Даже в те дни, когда была бабушкина очередь надевать эту кофту. Малин могла вдруг заявить: «Если вы мне не дадите розовой кофты, я не дам вам вишневого мусса на сладкое». Ну и что же оставалось делать бедной старушке? Ведь вишневый мусс был ее любимым блюдом! Приходилось уступать! И когда Малин, надев розовую кофту, возвращалась на кухню, она сияла как начищенный пятак и так старательно взбивала вишневый мусс, что забрызгивала все стены...

На минуту в гостиной воцарилось молчание. Его прервала фру Александерсен:

– Я, конечно, не поручусь, но все же подозреваю, что моя Гульда крадет. Я не раз замечала, что вещи исчезают из дома...

– А вот Малин... – начала было Пеппи, но ее строго оборвала фру Сеттергрэн.

– Дети, – сказала она, – немедленно ступайте к себе наверх.

– Сейчас, я только расскажу, что Малин тоже крала, – не унималась Пеппи. – Крала как сорока. У нее прямо руки чесались... Она даже вставала среди ночи и немножко воровала. Иначе, уверяла она, ей не заснуть. Однажды она украла бабушкино пианино и ухитрилась спрятать его в верхнем ящике своего комода. Бабушка всегда восхищалась ее ловкостью...

Но тут Томми и Анника схватили Пеппи за руки и потащили к лестнице, а дамы налили себе по третьей чашечке кофе.

– Не то чтобы я могла жаловаться на свою Эллу, – сказала фру Сеттергрэн, – но вот посуду она бьет...

И вдруг на лестнице вновь показалась рыжая головка.

– А сколько Малин перебила посуды – не сосчитать! – крикнула сверху Пеппи. – Все знакомые просто диву давались, уж поверьте мне на слово! Для этого дела она отводила один день в неделю – тогда она ничем другим не занималась. С утра до вечера только и делала, что била посуду. Бабушка говорила, что это бывало по вторникам. Каждый вторник, часов в пять утра, Малин отправлялась на кухню бить посуду. Начинала она с кофейных чашечек, стаканов и других мелких вещей, затем бралась за плоские и глубокие тарелки, а под конец принималась за блюда и суповые миски. Все утро в кухне стоял такой шум, что сердце радовалось, как говорила бабушка. А если у Малин выпадал свободный часок после обеда, то она, вооружившись молотком, отправлялась в гостиную и колотила развешанные там по стенам старинные тарелки, – закончила Пеппи и исчезла, как кукушка в часах.

Но тут у фру Сеттергрэн лопнуло терпение. Она побежала наверх, влетела в комнату детей и, подскочив к Пеппи, которая как раз в это время учила Томми стоять на голове, закричала:

– Не смей больше приходить к нам, раз ты себя так плохо ведешь!

Пеппи с изумлением взглянула на фру Сеттергрэн, и глаза ее наполнились слезами.

- Недаром я боялась, что не сумею себя вести как надо, – сказала она очень грустно.
- Мне не надо было и пробовать, все равно я этому никогда не научусь. Лучше уж я бы утонула в море...

Пеппи вежливо поклонилась хозяйке дома, попрощалась с Томми и с Анникой и медленно спустилась по лестнице. Но как раз в это время почтенные дамы тоже поднялись, собираясь уходить. Пеппи присела в прихожей на ящик для галош и наблюдала, как дамы перед зеркалом поправляют шляпки и надевают плащи.

- Как жалко, что вы не одобряете своих домашних работниц, – сказала вдруг Пеппи. – Вот была бы у вас такая прислуга, как Малин... Другой такой не сыщешь, – так всегда говорила бабушка. Подумайте только, однажды в июле, когда Малин должна была подать к обеду жареного поросенка... Знаете, что она сделала? Она вычитала в поваренной книге, что в июле поросят подают к столу с бумажными розочками в ушах и свежим яблоком во рту. Бедная Малин не поняла, что яблоко и розочки должны быть во рту и в ушах у поросенка... Вы бы только поглядели, на кого она была похожа, когда она, с розочками из папиросной бумаги в ушах и с огромным яблоком в зубах, внесла в столовую блюдо с поросенком. «Малин, вы скотина!» – сказала бабушка. А бедная Малин не могла даже и слова вымолвить в ответ. Она только трясла головой, так что бумага в ушах шуршала. Правда, она пыталась что-то произнести, но получилось только: «Бу-бу-бу». И укусить она никого не могла – мешало яблоко, а как раз за столом сидело столько гостей... Да, трудный выдался денек для бедняжки Малин... – печально закончила Пеппи.

Дамы уже были одеты и прощались с фру Сеттергрэн. Пеппи тоже подошла к ней и прошептала:

- Простите, что я не умею себя вести. Прощайте.

Затем Пеппи надела свою огромную шляпу и выбежала вслед за дамами. У калитки их пути разошлись. Пеппи свернула налево, к своей вилле, а дамы – направо. Но не прошло и нескольких минут, как они услышали за спиной чье-то прерывистое дыхание. Обернувшись, они увидели, что их догоняет Пеппи.

- Знаете, бабушка очень грустила, когда Малин ушла от нее. Представьте себе, однажды во вторник после того, как Малин разбила больше дюжины чайных чашек, она вдруг собрала свои вещи, села на пароход и куда-то уплыла, так что бабушке пришлось самой добывать посуду, а она, бедняжка, была к этому непривычна и поранила себе руки. Так бабушка больше никогда и не увидела Малин. А она была отличной девчонкой, – говорила бабушка.

Выпалив все это, Пеппи повернулась и побежала назад, а дамы продолжали свой путь. Но когда они прошли всю улицу, до них вдруг долетел крик Пеппи:

- А еще-е Ма-ли-н ни-ко-г-да-а не подметала под кро-ва-тя-ми-и!

Глава 10: Как Пеппи спасает двух малышей

Однажды в воскресенье после обеда Пеппи сидела дома, раздумывая, чем бы ей заняться. Томми и Аннику она не ждала – ее друзья ушли со своими родителями в гости.

День прошел незаметно в приятных занятиях. Пеппи встала рано и подала господину Нильсону завтрак в постель: фруктовый сок и булочку. Обезьянка выглядела так трогательно, когда она сидела в светло-голубой ночной рубашке на кровати, держа обеими руками стакан. Затем Пеппи скребницей почистила лошадь и задала ей корм, попутно рассказав длинную историю про свои странствования по морям. После этого Пеппи отправилась к себе в комнату и нарисовала прямо на обоях большую картину, изображающую толстую даму в черной шляпе и красном платье. В одной руке эта дама держала желтый цветок, а в другой –дохлую крысу. Этой картиной Пеппи осталась очень довольна – по ее мнению, она украшала комнату. Покончив с художеством, она уселась возле комода и принялась перебирать свои сокровища: птичьи яйца и ракушки, которые вместе с папой собирала в разных далеких странах или покупала в маленьких заморских лавчонках. Когда Пеппи надоело рыться в ящиках, она попыталась обучить господина Нильсона танцевать твист. Но он наотрез отказался. Она вздумала было поучить танцевать лошадь, но вместо этого поползла на четвереньках в чулан и накрылась там ящиком – это называлось играть в сардины, но игра не клеилась, потому что не было Томми и Анники, которые обычно изображали других сардин. Но вот начало смеркаться. Девочка прижалась носом, похожим на картофелину, к оконному стеклу и глядела в сад, в котором сгущались серые осенние сумерки. Тут она спохватилась, что еще не ездила верхом, и решила немедленно отправиться на небольшую прогулку.

Она надела свою огромную шляпу, кликнула господина Нильсона, который сидел и перебирал пестрые морские камешки, оседлала лошадь и вынесла ее в сад. Они двинулись в путь – господин Нильсон верхом на Пеппи, а Пеппи верхом на лошади.

После захода солнца подморозило, и копыта лошади звонко цокали по затвердевшему грунту. Господин Нильсон пытался срывать листья с деревьев, мимо которых они скакали. Но Пеппи так гнала лошадь, что ему это не удавалось. Наоборот, ветки все время стегали его по ушам, и господин Нильсон с трудом удерживал на голове свою соломенную шляпку.

Пеппи скакала во весь опор по улицам маленького городка, и люди шарахались в сторону, уступая ей дорогу.

Конечно, в нашем маленьком городке, как и в каждом городе, есть своя главная площадь. На нее выходят выкрашенная охрой ратуша и старинные красивые особняки, среди которых возвышается большой трехэтажный дом. Он построен недавно, и все его называли небоскребом, потому что это самый высокий дом в городе. В эти воскресные предвечерние часы город, казалось, дремал, погруженный в тишину и покой. И вдруг тишину прорезал дикий крик. – Небоскреб горит! Пожар! Пожар! Со всех сторон к площади бежали перепуганные люди. По улице с пронзительным воем промчалась пожарная машина. И две девочки на тротуаре, которым сперва казалось, что смотреть на пожар очень весело, вдруг заплакали – они испугались, что и их дом загорится. Вскоре на площади перед небоскребом собралась огромная толпа. Полиция пыталась ее разогнать, потому что огонь мог перекинуться и на соседние дома. Из окон небоскреба уже вырвались языки пламени. Под дождем искр в клубах черного дыма пожарные продолжали мужественно бороться с огнем. Пожар вспыхнул на первом этаже, но пламя со стремительной быстротой охватило весь дом. И вдруг люди, стоящие на площади, похолодели от ужаса. Окно мансарды под самой крышей распахнулось, и в нем показались два маленьких мальчика. Несчастные мальчуганы плакали и молили о помощи.

– Мы не можем отсюда выйти, – крикнул старший мальчик, – кто-то развел костер на лестнице!

Старшему минуло пять лет, его брат был на год моложе. Мать их ушла по делу, и они остались дома одни.

Толпа на площади волновалась. Многие плакали, глядя на малышей. Брандмайор не на шутку встревожился. У пожарных была, конечно, раздвижная лестница, но она не доставала до мансарды. А войти в дом, чтобы вынести детей, было уже практически невозможно. Неописуемый ужас охватил всех, когда стало ясно, что дети обречены на гибель – ведь пламя вот-вот доползет до мансарды. А малыши по-прежнему стояли у окна и громко ревели.

В толпе на площади была и Пеппи. Не слезая с лошади, она с интересом рассматривала пожарную машину и уже прикидывала в уме, не сможет ли она купить себе такую же. Машина эта понравилась ей потому, что была ярко-красного цвета и к тому же гудела на редкость пронзительно. Затем Пеппи стала наблюдать, как пламя все яростнее охватывает дом, и пожалела, что искры не долетают до нее.

Как и все толпившиеся на площади люди, Пеппи сразу заметила малышей в окне мансарды, и ее удивило то, что у малышей такой перепуганный вид. Она никак не могла понять, почему пожар их не забавляет, и даже спросила у стоящих рядом людей:

– Скажите, почему эти дети орут? Сперва ей в ответ раздались лишь всхлипывания. Но потом какой-то толстяк сказал:

– А ты бы не орала, если бы стояла там наверху и не могла бы оттуда выбраться?

– Я вообще никогда не плачу! – огрызнулась Пеппи. – Но раз дети хотят спуститься и не могут, почему им никто не поможет?

– Да потому, что это невозможно. Как им помочь?

Пеппи удивилась еще больше:

– Неужели никто не притащит сюда длинную веревку?

– А что проку в веревке! – отрезал толстяк. Дети слишком малы, чтобы спуститься по веревке. Да и вообще сейчас уже поздно – добраться до них по веревке нельзя! Ты что, сама не понимаешь?

– Это еще как сказать, – спокойно ответила Пеппи. – А ну, достаньте-ка мне веревку.

Никто не верил, что Пеппи сможет что-нибудь сделать, но веревку ей все-таки дали. Возле фонтана, перед небоскребом, росло высокое дерево. Его верхние ветки были примерно на уровне окон мансарды, но метра на три не доходили до них, а ствол дерева был гладкий как столб. Даже Пеппи не могла по нему взобраться.

Пожар бушевал, дети в окне мансарды кричали, люди на площади плакали.

Пеппи соскочила с лошади и, подбежав к дереву, крепко привязала веревку к хвосту господина Нильсона.

– А теперь ты будешь умницей, ну лезь, – сказала Пеппи, поднесла обезьянку к дереву и посадила ее.

Господин Нильсон прекрасно понял, что от него хотят, и послушно полез по гладкому стволу – для обезьяны это было дело плевое. Люди на площади затаив дыхание следили за господином Нильсоном. Вскоре он добрался до кроны, сел на сучок и вопросительно поглядел вниз, на Пеппи. Пеппи кивнула ему, как бы говоря, что можно спуститься. Обезьянка послушалась, но стала спускаться по другой стороне ствола, перекинув тем самым веревку через сук. И когда господин Нильсон снова оказался на земле, Пеппи держала в руках оба конца веревки.

– До чего же ты умен, господин Нильсон, тебе бы профессором быть! – воскликнула Пеппи и отвязала веревку от хвоста обезьяны.

Неподалеку от небоскреба ремонтировали дом. Пеппи помчалась туда и выбрала крепкую длинную доску. С доской под мышкой она вернулась к дереву. Ухватившись свободной рукой за веревку и опираясь ногами о ствол, она начала быстро и ловко карабкаться вверх. Люди на площади от удивления перестали плакать. Добравшись до кроны и положив доску на развилку ветвей, она осторожно стала продвигать ее к окну. Наконец доска достигла окна, легла концом на подоконник и образовала своеобразный мост между деревом и горящим домом. Люди на площади молчали, от напряжения никто не мог вымолвить ни слова. А Пеппи пошла по доске, весело улыбаясь мальчишкам в мансарде:

– Ну, чего вы ревете, ребята? У вас, может, животы разболелись?

Дойдя до окна, Пеппи спрыгнула в мансарду.

– Что и говорить, здесь жарковато. Сегодня вам больше топить не придется, за это я ручаюсь. А завтра слегка протопите, не больше четырех поленьев...

Сказав это, Пеппи взяла на руки обоих мальчиков и двинулась по доске обратно.

– А теперь мы немножко позабавимся. Балансировать с вами на доске – все равно что танцевать на проволоке.

Когда Пеппи дошла до середины доски, она задрала ногу точно так же, как, помните, она сидела в цирке. Шепот ужаса пробежал по толпе. А когда с ее ноги соскочила и полетела вниз туфля, несколько пожилых дам упали в обморок. Но Пеппи благополучно добралась с мальчиками до дерева, и стоящие на площади люди так громко закричали «Ура», что заглушили на мгновение треск и рев пожара.

Пеппи подтянула веревку, один конец ее она крепко привязала к толстому суку, а другим обвязала младшего мальчика и стала медленно и осторожно спускать его, он попал прямо в руки матери, которая, не помня себя от счастья, схватила своего сынишку и, громко рыдая, принялась его целовать. Но Пеппи закричала с дерева:

– Эй вы! Отвяжите веревку! Здесь ждет еще один мальчик, и летать он пока не умеет!

Люди кинулись развязывать веревку, но это было нелегким делом, потому что Пеппи умела завязывать крепкие морские узлы. Она научилась этому у матросов, когда плавала по морям со своим папой.

Но вот веревка, наконец, снова оказалась в руках Пеппи, и она спустила на землю второго мальчика.

Пеппи осталась одна на дереве. Она опять выбежала на доску, и толпа разом притихла. Никто не понимал, что она собирается делать, но секунду спустя все ахнули. Пеппи плавно поднимала и опускала руки, она кружилась в танце на узкой доске и пела своим хриплым голосом:

Пятнадцать человек и покойника ящик,

И-о-го-го, и в бочонке ром.

Но слова песни едва доносились до людей на площади. А Пеппи пела и кружилась все быстрее и быстрее, так что многие люди зажмуривались, боясь, что она разобьется.

Из окна мансарды вырывалось огромное пламя. И в его свете отчетливо вырисовывался силуэт Пеппи. Когда же на нее посыпался дождь искр, она подняла руки к вечернему небу и громко крикнула:

– Какой великолепный пожар!

Затем она вернулась на дерево и, крикнув «Эй», с быстротой молнии соскользнула по веревке вниз.

– Давайте прокричим четырехкратное «Ура» в честь девочки по имени Пеппи Длинныйчулок! – громко провозгласил брандмайор. – Да здравствует Пеппи!

– Ура! Ура! Ура! Ура! – прокричали все люди, стоящие на площади.

И лишь один голос крикнул «Ура» пять раз. Этот голос принадлежал самой Пеппи.

Глава 11: Как Пеппи празднует свой день рождения

Однажды Томми и Анника получили письмо, они вынули его из почтового ящика на двери своего дома.

На конверте стояло:

«ТММИ и АНКЕ»

А когда они вскрыли конверт, то нашли в нем кусочек картона, на котором были старательно выведены неровные буквы:

«ТММИ и АНКЕ»

Тми и Анка должны прити к Пеппи на пир в день рождения в завтра посли обеда

Адежда любая

Томми и Анника так обрадовались, что начали прыгать и кружиться по комнате. Они прекрасно поняли, что там было написано, хотя письмо и выглядело несколько странно. Пеппи было очень трудно написать это приглашение. Она, например,

нетвердо знала, как пишется буква «И». Но так или иначе, она все же смогла написать, что хотела. В те годы, когда она еще плавала по морям, один из матросов пытался по вечерам научить Пеппи писать, но особенно усердной ученицей Пеппи никогда не была.

– Нет, Фридольф (так звали того матроса), я уж лучше залезу на мачту и погляжу, какая завтра будет погода, – говорила она обычно, или пойду поиграю с корабельным котом.

Всю ночь просидела она, сочиняя пригласительное письмо. А когда стало светать и погасли последние звезды, Пеппи опустила конверт в ящик на двери.

Как только Томми и Анника вернулись из школы, они начали готовиться к празднику. Анника попросила маму причесать ее получше. Мама завila ей локоны и завязала огромный розовый шелковый бант. Томми тщательно расчесал волосы на пробор и даже смочил водой, чтобы они не вились – в отличие от сестры он терпеть не мог всяких локонов. Анника хотела надеть свое самое нарядное платье, но мама ей не позволила, сказав, что от Пеппи они всегда возвращаются ужас какие грязные. Так что Аннике пришлось удовольствоваться своим почти самым нарядным платьем. Что до Томми, то его нисколько не интересовало, что надеть, только бы рубашка была чистой.

Конечно, они купили Пеппи подарок, выпотрошив для этого свою копилку. Возвращаясь из школы, они зашли в игрушечный магазин и купили... Впрочем, пока это еще тайна. Пока подарок лежал, завернутый в зеленую бумагу и перевязанный шнурком. Когда дети были готовы, Томми взял подарок и они отправились в гости. А мама с порога кричала им вслед, чтобы они берегли свои костюмы. Анника тоже хотела понести немножко подарок. Так они шли, передавая зеленый сверток из рук в руки, пока не решили нести его оба.

Стоял ноябрь, и темнело рано. Прежде чем открыть калитку Пеппиного сада, Томми и Анника взялись за руки, потому что в саду было уже темно и старые черные деревья грозно шуршали последними, еще неопавшими листьями.

– Осторожно, – говорил Томми на каждом шагу.

Но тем приятнее было увидеть впереди яркий свет в окнах и знать, что идешь на пир по случаю дня рождения.

Обычно Томми и Анника входили в дом через черный ход, но сегодня они решили войти с парадной двери. Лошади на террасе не было. Томми постучал. Ответил глухой голос:

– Это привидение пожаловало ко мне на пир?

– Нет, Пеппи, это мы, – крикнул Томми, – открой!

И Пеппи отворила дверь.

– О Пеппи, зачем ты говоришь о привидениях? Я так испугалась, – сказала Анника и со страху даже забыла поздравить Пеппи.

Пеппи расхохоталась и распахнула двери. О, как хорошо было попасть в светлую и

теплую кухню! Пир должен был состояться именно здесь. Ведь в Пеппином доме было всего две комнаты: гостиная, но там стоял только один комод, и спальня. А кухня была большой, просторной, и Пеппи так хорошо убрала ее и так забавно там все устроила. На полу лежал ковер, а на столе – новая скатерть, которую Пеппи сама вышила. Правда, цветы, которые она изобразила, выглядели весьма странно, но Пеппи уверяла, что именно такие растут в Индонезии. Занавески на окнах были задернуты, а печь раскалена докрасна. На шкафчике сидел господин Нильсон и бил кастрюльными крышками. А в самом дальнем углу стояла лошадь.

Тут, наконец, Томми и Анника вспомнили, что им надо поздравить Пеппи. Томми шаркнул ножкой, а Анника сделала реверанс. Они протянули Пеппи зеленый сверток и сказали:

– Поздравляем тебя с днем рождения!

Пеппи схватила пакет и лихорадочно развернула его. Там оказался большой музыкальный ящик. От радости и счастья Пеппи обняла Томми, потом Аннику, потом музыкальный ящик, потом зеленую оберточную бумагу. Затем она принялась крутить ручку – с позвякиванием и присвистыванием полилась мелодия: «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...»

А Пеппи в упоении все крутила и крутила ручку музыкального ящика и, казалось, забыла обо всем на свете...

Вдруг она спохватилась:

– Да, дорогие друзья, теперь вы тоже должны получить свои подарки.

– У нас же сегодня не день рождения, – сказали дети.

Пеппи с удивлением взглянула на них и сказала:

– Но у меня сегодня день рождения. Неужели я не могу доставить себе удовольствие сделать вам подарки? Может быть, в ваших учебниках написано, что это запрещено? Может быть, по этой самой таблице уважения выходит, что так делать нельзя?..

– Нет, конечно, можно, хотя это и не принято... Но что касается меня, то я буду очень рад получить подарок.

– И я тоже! – воскликнула Анника. Тогда Пеппи принесла из гостиной два свертка, которые она заранее приготовила и положила до времени на комод. Томми развернул свой сверточек – там оказалась дудочка из слоновой кости. А Анника получила красивую брошку в форме бабочки, крылья которой были усыпаны красными, синими и зелеными блестящими камешками.

Теперь, когда все получили подарки по случаю дня рождения, настало время пировать. Стол был уставлен блюдами с булочками и печеньем самой причудливой формы. Пеппи уверяла, что именно такое печенье пекут в Китае. Она принесла шоколад со взбитыми сливками, и все хотели уже садиться за стол, но Томми сказал:

– Когда у нас дома бывает званый обед, мужчины ведут дам к столу. Пусть и у нас будет так.

– Сказано – сделано! – воскликнула Пеппи.

– Но у нас это не получится, потому что я здесь единственный мужчина, – огорченно произнес Томми.

– Вздор! – перебила его Пеппи. – А что, господин Нильсон барышня, что ли?

– Ой, правда! А я и забыл про господина Нильсона, – обрадовался Томми и, присев на табуретку, написал на листке бумаги:

«Господин Сеттергрэн имеет удовольствие пригласить к столу фрекен Длинныйчулок».

– Господин Сеттергрэн – это я! – важно пояснил Томми. И он передал Пеппи свое приглашение.

Затем он взял еще четвертушку бумаги и написал:

«Господин Нильсон имеет удовольствие пригласить к столу фрекен Сеттергрэн».

– Прекрасно, – сказала Пеппи, – но лошади тоже надо написать приглашение, хотя она и не будет сидеть за столом.

И Томми написал под Пеппину диктовку приглашение для лошади.

«Лошадь имеет удовольствие спокойно стоять в углу и жевать печенье и сахар».

Пеппи сунула бумажку под морду лошади и сказала:

– На, читай и скажи, что ты насчет этого думаешь.

Так как возражений у лошади не было, Томми предложил Пеппи руку и повел ее к столу. Зато господин Нильсон явно не имел ни малейшего желания предложить свою руку Аннике. Поэтому Анника сама взяла его на руку и понесла к столу. Обезьянка уселась прямо на стол. Шоколада со взбитыми сливками она не захотела, но, когда Пеппи налила в кружку воду, господин Нильсон схватил ее обеими руками и принялся пить.

Анника, Томми и Пеппи пили и ели, сколько хотели, и Анника сказала, что, когда вырастет, она обязательно поедет в Китай, раз там пекут такое вкусное печенье. Когда господин Нильсон выпил всю воду, он надел себе кружку на голову. Пеппи немедленно последовала его примеру, но так как она не успела выпить со дна свой шоколад, то по ее лбу и носу потекла коричневая струйка. Но Пеппи вовремя высунула язык и поймала капельки.

– Как видите, все можно исправить, – сказала она.

Наученные ее примером, Томми и Анника тщательно вылизали свои чашки, прежде чем надеть их на голову.

Когда все гости, в том числе и лошадь, напились и наелись, Пеппи быстрым ловким движением схватила скатерть за четыре конца и подняла ее. Блюда и блюдца, чашки и ложки оказались словно в мешке. Все это она засунула прямо так в шкаф.

– Сегодня я ничего не хочу убирать, – пояснила она.

И вот настало время веселиться. Пеппи предложила игру, которая называется «Не ступать на пол». Играть в нее очень просто: надо обежать вокруг кухни, ни разу не коснувшись ногой пола. Кто первый обежит, тот и выиграл. Пеппи вмиг справилась с этим заданием, но для Томми и Анники выполнить его оказалось куда труднее. Надо было очень широко расставлять ноги, передвигать табуретки и строить настоящие мосты, чтобы добраться от плиты до шкафчика, от шкафчика до водопроводной раковины и оттуда до стола, а затем, шагнув по двум стульям, перескочить на угловую полку. Между этой полкой и скамейкой было расстояние в несколько метров, но там, к счастью, стояла лошадь, и если сумеешь взобраться на нее и проползти от хвоста до головы, то можно было, наловчившись, прыгнуть на скамейку.

Так они играли, пока почти самое нарядное платье Анники не превратилось в далеко-далеко-далеко не самое нарядное, а Томми не стал черным как трубочист. Дети решили, что пора переменить игру.

– Давайте поднимемся на чердак и вызовем привидение, – предложила Пеппи.

У Анники даже дыхание перехватило от страха:

– Ра-ра-раз-ве там есть оно?

– Еще бы, – ответила Пеппи. – И не одно. Там просто кишмя кишит разными духами и привидениями, На них натыкаешься на каждом шагу. Пошли туда?

– О! – воскликнула Анника и с упреком взглянула на Пеппи.

– Мама сказала, что духов и привидений вообще не существует, – с деланной бодростью сказал Томми.

– Возможно, – ответила Пеппи. – Возможно, их нет нигде, потому что все они живут у меня на чердаке... и просить их убраться отсюда бесполезно... Но они не опасны, они только так жутко щиплются, что остаются синяки. И еще они воют и играют в кегли своими головами.

– И-и-г-ра-а-ют в к-е-е-е-гли свои-ми голо-о-ва-а-ми? – прошептала Анника.

– Ну да, – подтвердила Пеппи. – Ну, пошли скорей, поднимемся, поговорим с ними... Я хорошо играю в кегли.

Томми не хотел показать, что он трусит, да и как было бы здорово увидеть хоть одно привидение своими глазами, а потом рассказать об этом ребятам в школе. Он успокаивал себя тем, что в присутствии Пеппи привидения не посмеют напасть, и согласился идти на чердак. Бедняжка Анника сначала и слышать не хотела о том, чтобы подняться вверх. Но потом ей пришло в голову, что если она останется на кухне, то какое-нибудь захудаленькое привидение может прошмыгнуть к ней. И она решилась. Лучше быть вместе с Пеппи и Томми в окружении тысячи привидений, чем с глазу на глаз с одним, пусть даже самым завалящим.

Пеппи шла впереди, она открыла дверь, ведущую на чердачную лестницу. Там было темно, хоть глаз выколи. Томми судорожно ухватился за Пеппи, а Анника еще судорожней за Томми. Каждая ступенька скрипела и стонала у них под ногами, и

Томми уже раздумывал, не повернуть ли назад. Что до Анники, то она была в этом уверена.

Но вот кончилась лестница, и они очутились на чердаке.

Здесь было уже не так темно, лунный свет, проникая сквозь слуховое окно, полоской лежал на полу. При каждом дуновении ветра во всех углах что-то вздыхало и ухало.

– Эй, привидения, где вы! – крикнула Пеппи. Были ли они там или нет, неизвестно, но, во всяком случае, ни одно из них не отозвалось.

– Видно, их сейчас нет дома, – объяснила Пеппи. – Наверно, отправились на собрание в Союз духов и привидений.

Вздых облегчения вырвался у Анники. «Ах, хоть бы это собрание продлилось подольше!» – подумала она.

Но как раз в эту минуту раздался какой-то подозрительный шум в одном из углов чердака:

– Ключ-ю-и-ид!

И Томми увидел, как что-то полетело на него, как это что-то прикоснулось к его лбу и исчезло в слуховом оконце.

– Привидение, привидение! – крикнул он в ужасе.

– Бедняжка, оно опаздывает на собрание. Правда, если это привидение, а не сова, – сказала Пеппи. – И вообще, ребята, знайте: никаких привидений не существует, – добавила она помолчав, – и я щелкну в нос того, кто станет говорить, что они есть.

– Да ведь ты сама это говорила! – воскликнула Анника.

– Говорила, – согласилась Пеппи. – Значит, придется себя самой щелкнуть в нос.

И она дала себе здоровенный щелчок в нос. После этого Томми и Аннике стало как-то легче на душе. Они настолько осмелели, что решились выглянуть в сад. Большие черные тучи быстро бежали по небу, словно чтобы помешать месяцу светить. И деревья скрипели на ветру. Томми и Анника отошли от окна и... о ужас! Они увидели, что на них движется какая-то белая фигура.

– Привидение! – не своим голосом заорал Томми.

Анника так испугалась, что просто лишилась голоса. А белая фигура подходила все ближе и ближе. Дети обнялись и зажмурились, но тут привидение заговорило:

– Глядите, что я здесь нашла в старом матросском сундучке: папину ночную рубашку. Если ее со всех сторон подшить, я смогу ее носить, – и Пеппи подошла к ним в рубашке, волочась по земле.

– Ой, Пеппи, я могла умереть от испуга, – с дрожью в голосе сказала Анника.

– Пустяки, ночные рубашки не опасны! – успокоила ее Пеппи. – Они кусаются только, когда на них нападают.

И Пеппи решила как следует порыться в сундучке. Она придвинула его к окну и распахнула решетчатый ставень. Бледный лунный свет залил сундучок, в котором оказалась целая куча старой одежды. Пеппи выложила ее на пол. Кроме того, она обнаружила там подозрную трубу, две страницы книги, три пистолета, шпагу и мешок с золотыми монетами.

– Ти-де-ли-пом! Пи-де-ли-дей! – радостно воскликнула Пеппи.

– Как интересно! – прошептал Томми. Пеппи завернула все свои сокровища в отцовскую ночную рубашку, и дети снова спустились в кухню. Аннике не терпелось уйти с чердака.

– Никогда не разрешайте детям играть с огнестрельным оружием, – сказала Пеппи и взяла в каждую руку по пистолету. – А то может произойти несчастье, – добавила она и нажала на курки.

Грянули два выстрела.

– Здорово бьют! – воскликнула она и подняла глаза.

На потолке зияли две дырочки.

– Как знать, – раздумчиво произнесла она. – Быть может, эти пули пробили потолок и угодили в пятки какому-нибудь духу. Быть может, это его проучит и заставит в другой раз сидеть на месте и не пугать невинных маленьких детей. Раз уж духи не существуют, то чего они пугают народ?.. Хотите, я вам подарю по пистолету?

Томми пришел в восторг от этого предложения, да и Анника была не против иметь пистолет, если только он не будет заряжен.

– Теперь мы можем, если захотим, организовать разбойничью шайку, – сказала Пеппи и поднесла к глазам подозрную трубу. – О-го-го! – закричала она. – Вот это труба! Я смогу разглядеть блоху в Южной Америке! Если у нас будет шайка, труба нам пригодится.

Тут раздался стук в дверь. Это пришел папа Томми и Анники.

– Уже давно пора ложиться спать, – сказал он.

Томми и Анника поблагодарили Пеппи, попрощались с ней и ушли, унося свои сокровища – дудочку, брошку и пистолеты.

Пеппи проводила своих гостей до террасы и глядела им вслед, пока они не исчезли в темноте сада. Томми и Анника то и дело оглядывались, махали ей. Пеппи стояла, освещенная лунным светом, – рыжая девочка с тугими косичками, торчащими в разные стороны, в огромной, волочащейся по полу отцовской ночной рубашке. В одной руке она держала пистолет, а в другой подозрную трубу.

Когда Томми, Анника и их папа дошли до калитки, они услышали, что Пеппи что-то кричит им вслед. Они остановились и стали прислушиваться. Ветер гудел в ветвях деревьев, но они разобрали слова:

– Когда я вырасту большая, я буду морской разбойницей... А вы?

